

XLIII г.

№ 29

Выходит еженедельно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн., „Сборника“, содерж. соч. Н. Г. Помяловскаго, А. И. Куприна, А. А. Фета и Оскара Уайльда, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложенийъ, 12 №№ „Парижскихъ Модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XLIII

1912

Выданъ 21-го юля 1912 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Оскара Уайльда“ кн. 4.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1912 г.

Съ приложеніемъ 40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ:

ПОЛНЫЯ СОБРАНІЯ СОЧИНЕНИЙ

Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО, | А. А. ФЕТА,
= А. И. КУПРИНА, = | Оскара УАЙЛЬДА.

12 книгъ „Ежемѣсячныхъ Литературныхъ и Популярно-Научныхъ Приложенийъ“ и пр.

Т. Лабриньонъ. Первое знакомство.

Сенька въ убѣжищѣ.

Разсказъ Марка Басанина.

Нерепечатка воспрещается.

I.

Добрая барыня провела бѣлой, нѣжной рукой по коротко-остриженной, жесткой головѣ Сеньки, который весь съёжился отъ этой ласки, спряталъ голову въ плечи и зажмурился, какъ жмурился онъ всегда, инстинктивно, привыкнувъ видѣть въ каждой занесенной надъ нимъ длані карающую десницу.

То, что барыня приласкала, а не ударила его, было такъ удивительно, что Сенька разинулъ ротъ да такъ и остался стоять, и, рѣшившись наконецъ раскрыть глаза, онъ уже не спускалъ ихъ съ барыни, съ жаднымъ любопытствомъ разглядывая, точно ощущавая взглядомъ, и ее и каждую вещь, надѣтую на ней.

Барыня была такая важная, полная, бѣлотѣлая. Шея у нея была открытая, — такая пухлая и такой изумительной чистоты, что Сенькиными глазами не вѣрилось, и про себя онъ не могъ не воскликнуть:

— Охъ, и хороши бани, гдѣ такъ чисто моютъ!

Руки у барыни были тоже совсѣмъ необыкновенные: ноготки тонкие, розовенькие, остренькие. Сенькѣ очень хотѣлось ихъ потрогать: „Поди, пожалуй, и не настоящія!“ Пальцы длинные, и на каждомъ пальчикѣ кольца, а въ кольцахъ — камушки, одинъ другого ярче. Стянуть одинъ бы такой камушекъ, — ужъ Сенька нашелъ бы, куда сбыть, — пару сапогъ купить можно было бы! И капотъ на барынѣ бѣлѣе снѣга и весь въ кружевахъ, а голова распричесана, фунтовъ пять волосъ куплено.

„Ишь, сдобная, — разсуждалъ про себя Сенька: — отъѣлась-то на даровыхъ, хлѣбахъ и не разберешь, старая или молодая, больно гладка!“

А барыня ласково улыбалась и пѣвучимъ голосомъ говорила Сенькиному крестному, старому, оборванному, съ обрюзглымъ, краснымъ, похожимъ на мѣдный, давно не чищенный, чайнику, лицомъ:

— Онъ у васъ робокъ, очень робокъ. Какъ его зовутъ?

— Сенька-съ. — Семенъ, то-есть, — откашливаясь въ руку, сказалъ крестный.

— Ахъ, да, Сеня. Зачѣмъ вы его называете Сенькой? Это не деликатно.

— Ничего-съ, — сказалъ крестный. — Баловникъ онъ. Только и надежда, что на васъ, ужъ не оставьте сударыня! Куда мнѣ съ нимъ, съ сиротой? Сами изволите знать, слабъ я.

— Ахъ, это ужасно, это ужасно! — воскликнула барыня и махнула бѣлой рукой передъ носомъ Сеньки, а камушки засверкали, замигали и замигали ему, точно смылся надъ нимъ.

А барыня продолжала тѣмъ же пѣвучимъ, сладкимъ голосомъ и такъ жалко, вотъ-вотъ заплачетъ:

— Ахъ, Боже мой, Григорій Ивановичъ, неужели вы не можете бросить?

— Не могу, сударыня, — конфузливо отвѣчалъ крестный и, скосивъ глаза, тайкомъ отъ барыни метнулъ острый и сердитый взглядъ на Сеньку.

— Нѣтъ, вы можете, — возразила барыня: — вы можете, только вы не отдаете себѣ отчета, что вы себя губите. Вы соберитесь съ силами, твердо скажите себѣ: я не буду пить, — и боритесь, боритесь со своею страстью.

„Ишь, улещаетъ! — подумалъ Сенька. — Видно, бабы всѣ на одинъ ладъ! Поднесла бы лучше черепочекъ, крестный мой повеселѣ бѣ сталъ!“

— Если бѣ вы были еще обыкновенный человѣкъ, — пѣла барыня: — но вы, Григорій Ивановичъ, талантъ, настоящій талантъ. Вспомните, какъ мы всѣ дорожили вами; Николай Петровичъ покойный — онъ просто вамъ цѣны не зналъ. Помните, вы ему всегда фрикандо угождали.

— Сушъ бискѣ они любили, — оживился крестный: — и кѣ нему буше дампре требовали. Настоящій былъ господинъ, теперь ужъ такихъ мало. Цѣниль.

— Ахъ, Григорій Ивановичъ, — говорила барыня: — ваше дарованіе всякий бы оцѣнилъ. Да я и не знаю, у кого можно было такъ поѣсть, какъ у насъ, одинъ соусъ аспази чего стоилъ!

— И субизъ, сударыня, субизъ у меня хорошо выходилъ!

Теперь Сенька переводилъ изумленный взглядъ съ барыни на крестнаго. Онъ зналъ, что крестный — жалкій пропойца, что работать онъ не можетъ, и если не валяется мертвѣцки пьяный гдѣ-нибудь подъ заборомъ, то бродить по улицамъ съ протянутой рукой, пока вечеръ не загонитъ его въ ночлежку. Онъ всегда считалъ его вралемъ и хвастуномъ и нагло смылся, когда тотъ начиналъ рассказывать о большихъ домахъ, гдѣ онъ служилъ, и о важныхъ господахъ, которымъ онъ угождалъ. Теперь Сенька, слушая, какъ онъ разговариваетъ съ барыней, съ изумленіемъ убѣжался, что крестный не враль, и съ любопытствомъ, почти съ восхищеніемъ старался запомнить мудреные, Богъ вѣсть что обозначающія, выраженія, которыми перебрасывались крестный съ барыней.

Жалкой прозой, скучной и ненужной показались ему слова крестнаго:

— Явите божескую милость, заставьте за себя Бога молить, пристройте куда ни на есть мальчишку!

Все это было такое извѣстное, неинтересное, такъ давно надоѣвшее Сенькѣ.

Онъ и самъ умѣлъ говорить жалкія слова, пѣть Лазаря, да что въ нихъ толку? Тоска одна, только себѣ и другимъ надоѣдаешь. А вѣдь вотъ есть другія слова; ихъ такъ, походя, не услышишь, и что они обозначаютъ — неизвѣстно, а слушать пріятно, и не запомнить ихъ всѣ сразу, хоть бы два такихъ словечка заучить — онъ бы утеръ носъ приятелямъ.

— Я вѣдь вамъ уже сказала, Григорій Иванычъ, — прервала клянчанье крестнаго барыня: — что мальчикъ будетъ принять въ пріютъ. Я уже переговорила и съ директоромъ и съ докторомъ. Прямо везите его туда отъ моего имени, ему тамъ будетъ очень хорошо. Я вамъ худа не пожелаю. Членовъ комитета я всѣхъ лично знаю, это — все мои добрые знакомые. Я сама членъ-учредитель общества взысканія погибшихъ. Мы преслѣдуемъ исключительно гуманныя цѣли. Мальчика тамъ научатъ читать, писать и, смотря по способностямъ, отдадутъ въ какое-нибудь ремесло. О, у насъ дѣло очень и очень разумно поставлено!

— Въ сапожники мнѣ не охота, — вырвалось у Сеньки: — въ слесаря я тоже не желаю.

— Дуракъ! — сердито оборвалъ крестный: — просили тебя ротъ разѣвать? Твое дѣло слушаться благодѣтелей.

— Нѣтъ, отчего же? — сказала барыня. — Мы именно считаемся съ природными наклонностями, съ личными вкусами и способностями. Ты выберешь себѣ дѣло по душѣ. Ты, можетъ быть, любишь рисовать?

Сенька усмѣхнулся.

— Не пробовалъ, — сказалъ онъ.

— А тамъ попробуешь.

Сенька тяжело вздохнулъ.

— Не смыемъ васъ больше утруждать, — сказалъ крестный. — Благодаримъ за милость!.. Цѣлуй ручку у барыни! Идолъ, спасибо-то сказать не умѣешь!

Сенька неуклюже потянулся къ барыниной рукѣ, но она сама поднесла ее къ его губамъ, и Сенька впился въ нее, опьяненный запахомъ крѣпкихъ духовъ и ослѣпленный игрой драгоцѣнныхъ камней.

„Слямзить хоть бы одно колечко“, — мелькало у него въ головѣ.

Барыня вырвала у него руку и, вздохнувъ, сказала:

— Бѣдный ребенокъ! Онъ очень чувствителенъ. Ну, Богъ дастъ, мы его сдѣлаемъ человѣкомъ. А вы, Григорій Иванычъ, дайте мнѣ слово, что позаботитесь о себѣ. Теперь, когда мы васъ избавимъ отъ заботъ о мальчикѣ, у васъ будетъ много свободнаго времени, вы всецѣло будете принадлежать себѣ, — дайте же мнѣ честное слово, что вы будете стараться исправиться.

Старикъ тяжело перевѣлъ духъ.

— Слушаю-съ! — сказалъ онъ.

Шереступилъ съ ноги на ногу и прибавилъ:

— Извините, что обезпокоилъ!

— Ничего, — ласково улыбнулась барыня. — Смотрите же,

завтра непременно отвезите. — И, кивнув головой, она повернула спину крестному и Сеньку.

Платье ея зашевелилось, издавая легкий свистъ, и поволоклось сзади длиннымъ хвостомъ. И пока фигура барыни не скрылась, Сенька, не отрываясь, провожалъ ее глазами, и въ воображении его неизгладимыми чертами запечатлѣвались пышная прическа, полная, нѣжная, выступающая изъ низко-вырѣзанного ворота шея, широкіе, отдѣленные кружевами, рукава и все колеблющееся большое и сытое тѣло, облеченое въ снѣжной бѣлизны капотъ.

II.

Сенька ъхалъ въ вагонѣ третьаго класса. Жаднымъ взоромъ виновался онъ въ убѣгающія поля и въ мелькающія передъ глазами деревья. Что-то очень давно видѣнное, забытое, родное и далекое напоминали они ему. Почему-то хотѣлось плакать, и на душѣ лежалъ словно камень. Почему? — Сенька не могъ дать себѣ отчета.

И вѣдь все, кажется, было хорошо. Барыня какъ сказала, такъ и сдѣлала. Съ письмомъ ея Сенька ходилъ въ какой-то комитетъ. Тамъ ему дали бумагу, онъ носилъ ее барынѣ. Она опять написала письмо и велѣла вмѣстѣ съ письмомъ и бумагой ъхать, куда приказано. И денегъ Сеньку на дорогу дала. И пуще всего наказывала, чтобы письма ея не потерялъ и не замазалъ бы и не изорвалъ бы конверта. А конвертикъ маленький, красивенький, голубенький, съ золотымъ ободочкомъ, и пахнетъ отъ него хорошо.

Теперь приѣхѣтъ онъ, а тамъ ужъ ему приготовлено мѣсто. Въ теплѣ, въ сухости, въ сыности, въ холѣ будетъ жить. Платье казенное дадутъ, сапоги, чай, хорошіе, новые, не такие опорки, какъ на немъ сейчасъ. Грамотѣ учить будутъ и мастерству какому-нибудь научать. Въ люди выведутъ.

Хорошо оно, а все чего-то боязно. Мальчишки Сеньку пугали:

— Въ тюрьму идешь, парень, самъ головой въ мѣшокъ лѣзешь.

Сенька отмалчивался. Что ихъ, дураковъ, слушать. Болтаютъ зря. Небось, и самимъ хотѣлось бы по-людски пожить. Теперь-то ничего, тепло еще. Листья на деревьяхъ не все пожелѣли, живи себѣ на улицѣ. А вотъ зимой-то каково?

Сенька даже вздрогнулъ при одномъ воспоминаніи. Вспомнились ему страшные зимніе морозы, начеги на баркахъ, стояніе на паперти, ночевки въ участкахъ, постоянныя голодовки.

Но все это еще туда-сюда. Хуже всего были побои. А если его постоянно чѣмъ ни попало и за что ни попало. Это было страшнѣе всего.

А вотъ тамъ бить не будутъ, тамъ обращеніе деликатное. Барыня сказывала, тамъ все такие, какъ она. Мухи не обидятъ. Она добрая, сразу видать, — его, Сеньку, не обманешь, онъ человѣка видитъ!

Красть тамъ Сенька не будетъ, — за это никто не похвалить. Да и зачѣмъ красть, коли и такъ всего вволю?

И Сенька принимаетъ твердое рѣшеніе вести себя благородно, честно и доказать крестному, что не такой ужъ онъ пропащий и дурень.

При мысли о крестномъ сердце Сеньки размягчается, ему становится жаль старого, спившагося, обнищавшаго и больного повара, жаль до слезъ, и Сенька начинаетъ рисовать себѣ картину будущаго благополучія крестнаго. Сенька не забудетъ его, какъ выйдетъ въ люди. Мастеръ изъ него будетъ хороший. Нѣть, лучше не мастеръ, а торговецъ. Быть его еще знаетъ мастерство, а въ торговлѣ Сенька считаетъ себя знатокомъ. Заживутъ они тогда съ крестнымъ! Онъ ужъ старика ни въ чемъ стѣснять не будетъ. Лежи себѣ на печи да распивай чаи. Водочки захочется — и это можно. Отчего не выпить? Сенька и самъ не прочь пропустить стаканчикъ — другой. Пьянствовать онъ не станетъ, а передъ щами выпить торговому человѣку обязательно нужно, ну, и въ компаніи съ хорошими людьми тоже слѣдуетъ...

Сенька такъ увлекся своими мечтаніями о будущемъ, что чуть не произвѣдалъ своей станціи.

Накрапывалъ мелкій дождь, но было такъ тепло, что парило, и стояла какая-то нѣжащая, грустная тишина...

Опустѣвшія дачныя окрестности, окутанныя дымкой осеннихъ тумановъ, въ убранствѣ увѣдающихъ садовъ и парковъ, расцвѣченныхъ багрянцемъ и золотомъ, лежали кругомъ безмолвныя,

очаровательно прекрасныя, точно погруженныя въ волшебный сонъ. Въ опустѣлыхъ аллеяхъ не видно было ни души, не слышно было голосовъ, и только шуршали подъ стоптанными опорками Сеньки упавшіе жѣлтые листья.

И самъ Сенька щелѣкъ, какъ во снѣ, весь раскрываясь навстрѣчу таинственной ласкѣ природы, весь во власти еще неизвѣданной прелести новыхъ и дивныхъ впечатлѣній, подхваченный какой-то невѣдомой, могучей теплой волной, которой онъ беззаботно отдавался съ томнымъ и сладкимъ восторгомъ, чувствуя, что она поднимаетъ его куда-то ввысь, несетъ его къ какому-то далекому, счастливому берегу.

Мысли о будущемъ материальномъ благополучіи теперь въ головѣ Сеньки какъ не бывало. Да и вообще мыслей не было. Царило непосредственное чувство, и необычайно ярки и тонки стали всѣ ощущенія.

Легкій вѣтерокъ лобзаль лобъ и щеки, свѣжій, душистый и тихій, и шепталъ на ухо необыкновенныя, мало понятныя и прекрасныя рѣчи. Шептались о чёмъ-то и вершины деревьевъ, точно рассказывая чудесныя, старыя сказки.

Сенька прошелъ всю аллею до конца и вдругъ очнулся. Передъ нимъ былъ домъ именно такой, какой описывала барыня: бѣлый, каменный, двухъэтажный, съ башенкой. Стоитъ въ большомъ густомъ саду, кругомъ высокій заборъ, и на аллею выходятъ каменные ворота съ узорной чугунной решеткой, а надъ воротами вывѣска, точно голубая лента, шитая золотомъ.

Жутко и холодно стало вдругъ Сеньку, и робко и недовѣрчиво пріотворилъ онъ калитку и мимо пустой деревянной сторожевой будки, по чисто выметенной дорожкѣ, огибавшей широкій, обсаженный деревьями, дворъ, съ куртиною и фонтанами посрединѣ, направился къ крыльцу.

По широкимъ каменнымъ ступенямъ поднялся онъ къ дубовымъ дверямъ, съ любопытствомъ остановилъ взоръ на темныхъ рѣзныхъ львиныхъ мордахъ со вѣтыми въ нижнюю губу бронзовыми кольцами и, собравшись съ духомъ, чтѣ было силы нажалъ пуговицу духоваго звонка.

Дверь, какъ показалось ему, отворилась моментально, точно кто-то давно стоялъ сзади и только ждалъ случая ему отворить.

Моментально же чья-то сердитая и сильная рука закатила ему здоровую затреину и почти одновременно неизвѣстно кому принадлежащая грубая, жесткая нога ударила его въ бокъ — и Сенька, прокатившись по всѣмъ ступенямъ, очутился внизу, лежащимъ на животѣ и съ расквашеннымъ носомъ.

Все это произошло моментально.

И такъ же моментально слетѣли съ Сеньки вся та сдержанность и благопристойность, которыя искусственно поддерживались въ немъ наставленіями и совѣтами крестнаго и собственными усилиями.

Волчонокъ, выросшій въ лѣсу, въ звѣриномъ логовище, съ дѣтства гонимый и травимый, много разъ переживавшій муки холода, голода и жажды, сильный и смѣлый передъ лицомъ опасности, ловкій и находчивый передъ вызовомъ врага, не разъ дрожавшій за свою шкуру, но и умѣющій постоять за нее, — сразу сказался въ немъ.

Молніей вскочилъ онъ на ноги, не обращая вниманія на боль и ушибы, сторожкой оглядѣлся и, едва нашелъ и оцѣнилъ непріятеля, — пріютскій сторожъ еще стоялъ на крыльце съ красивымъ отъ гнѣва лицомъ, — какъ, скавъ кулаки и пригнувшись къ землѣ, онъ уже кинулся на него и ударилъ его, пустивъ въ ходъ свой любимый, много разъ испытанный, приемъ — съ размаху въ животъ головой, отъ котораго сторожъ свалился навзничъ.

Градъ ругательствъ посыпался на Сеньку.

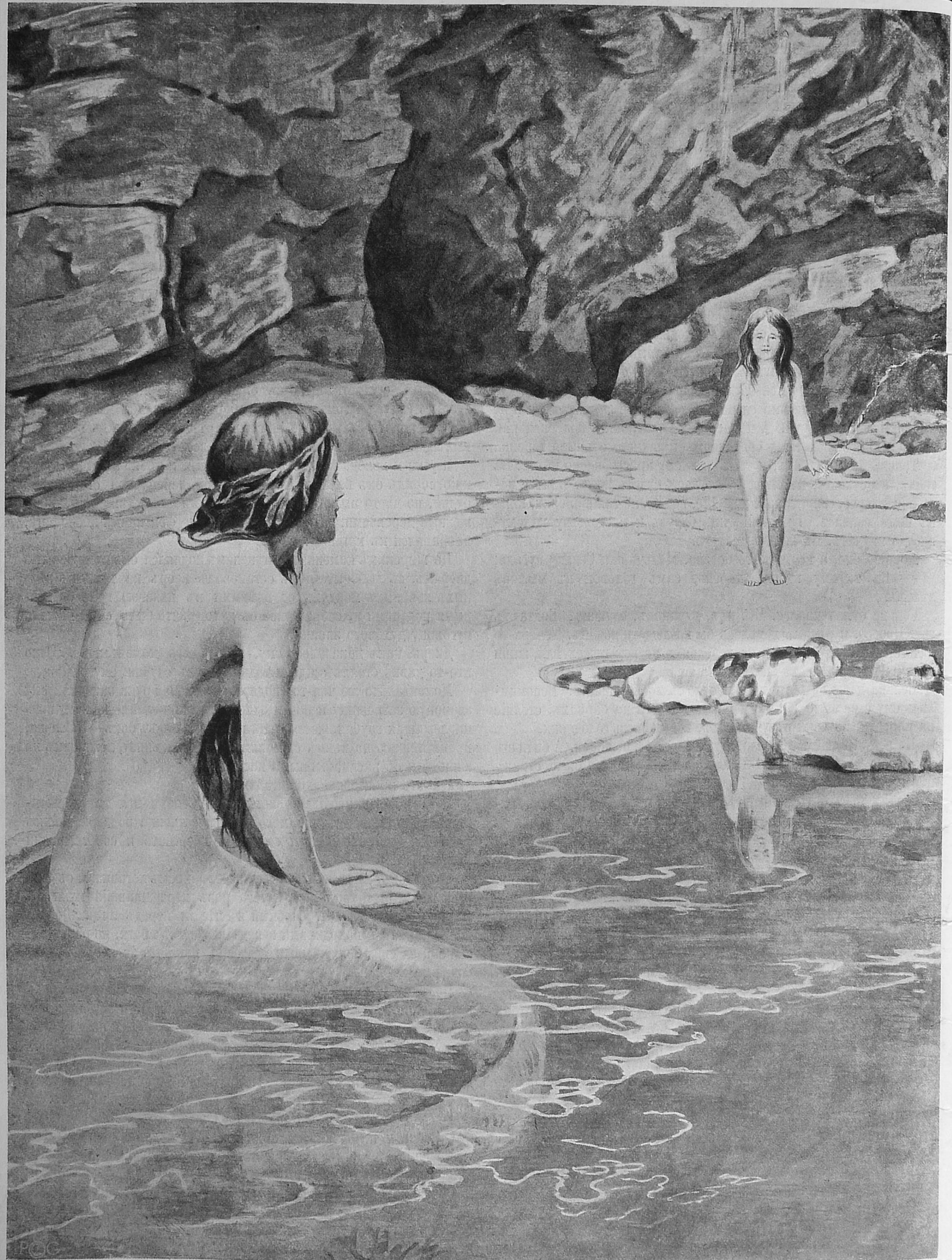
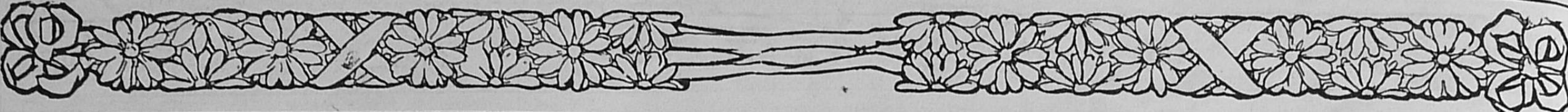
Съ бранью и ворчаньемъ сторожъ сталъ подниматься.

Но не таковъ былъ Сенька, чтобы отступить, не разбивъ окончательно непріятеля и не заставивъ его сознать себя побѣженнымъ.

Очевидно, сторожъ не понималъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло, и Сенька немедленно рѣшилъ, что слѣдуетъ тотчасъ же дать ему новый урокъ.

Ястребомъ налетѣлъ онъ на побѣженнаго врага, усѣлся на него верхомъ и, молча, съ полузакрытыми глазами, съ твердо стиснутыми зубами, принялъся наносить ему удары кулакомъ по чому попало.

Руки сторожа тоже не оставались въ бездѣйствіи. Онъ щипали, царапали, давили и били мальчишку. Нѣкоторые удары

И. Колье.
Русалка.

Г. Тукэ.
Терпятъ бѣдствіе.

были такъ чувствительны, что у Сеньки занимался духъ, и вдругъ непроизвольно широко раскрывалась ротъ, ловя воздухъ. Но Сенька не издавалъ ни звука. Еще дѣтскія, худенькія, костлявые, но мускулистыя и выносливые руки его поднимались и опускались мѣрно, настойчиво и неустанно.

Сторожъ наконецъ понялъ, что онъ имѣеть дѣло съ серьезной величиной, съ противникомъ, достойнымъ уваженія, упорнымъ и безпощаднымъ, котораго нельзѧ устрашить и котораго, пожалуй, не сломить.

И тутъ же сторожъ наконецъ разглѣдѣлъ, что это не свой,— со своимъ онъ бы скоро расправился,— а чужакъ, неизвѣстно, какъ очутившійся здѣсь и напавшій на него. Въ пылу борьбы онъ уже не помнилъ мелкихъ подробностей, не помнилъ и затрешины, которой онъ привѣтствовалъ Сеньку. Ему рисовалось нападеніе хулигановъ, экспропріаторовъ, чудились воры и разбойники.

Уставшія, затекшія отъ лежанья на спинѣ руки обронялись лѣниво и вяло, наконецъ совсѣмъ опустились,—сторожъ созналъ, что ему не осилить хулигана, и сталъ отчаянно звать на помощь.

— Карапулъ! Рѣжутъ! Воры! Грабители! Рѣжутъ! — сиплымъ воплемъ пронеслось по пустынному двору, по дремлющимъ аллеямъ старого парка.

— Молчи, дьяволъ! — прохрипѣлъ Сенька.

Чуткій, никогда не обманывавшій его инстинктъ подсказывалъ ему, что пора, надо бросить, и Сенька, переставъ колотить сторожа, выжидалъ момента, чтобы можно было безопасно ретироваться. Раза два онъ уже вбокъ посмотрѣлъ на непритворенную парадную дверь, намѣчая путь къ отступленію.

Но опоздалъ Сенька.

Гдѣ-то наверху послышались торопливые, тяжелые, шаги... Сенька сорвался съ места, какъ раненый звѣрь, прыгнулъ къ двери, распахнулъ ее...

Какая-нибудь одна минута — и онъ однимъ прыжкомъ перемахнулъ бы ступени крыльца, вихремъ вынесся бы за калитку — и ищи вѣтра въ полѣ.

Распахнулъ дверь Сенька, и носъ къ носу столкнулся съ разжимъ чернобородымъ мужикомъ въ красной шерстяной фуфайкѣ, въ бѣломъ фартукѣ и съ мѣдной бляхой на клеенчатомъ картузѣ.

Холодокъ пробѣжалъ по Сенькиной спинѣ. Къ дворникамъ съ самыхъ малыхъ лѣтъ онъ чувствовалъ страхъ и уваженіе. По двумъ причинамъ. Во-первыхъ, потому, что, по разумѣнію и житейскому опыту Сеньки, они на то и поставлены, чтобы бить, „поливать“, какъ принято было выражаться въ той средѣ, гдѣ вращался Сенька; а во-вторыхъ, потому, что бить они умѣютъ и бываютъ такъ, что мое почтеніе, — городовымъ развѣ которымъ, можетъ, еще уступать, а ужъ больше никому.

— Только не поливай! — вырвалось у Сеньки.

Но грубая и сильная рука уже рванула его за ухо, она же дала ему щелчокъ въ лобъ, отъ котораго у Сеньки позеленѣло въ глазахъ, и градомъ сразу посыпались слезы.

— Чужой, не нашъ, — хрипѣлъ сзади сторожъ. — Поди, онъ еще и не одинъ.

— И то не нашъ! — удивился дворникъ. — Это еще откуда принесло? Не иначе, черезъ заборъ въ паркѣ перелѣзъ, я отъ воротъ не отлучался.

— Пусти! — крикнулъ Сенька и попробовалъ выдернуть свою тщедушную ручонку изъ могучей лапы дворника.

— Ну, цыцъ у меня! — прикрикнулъ тотъ. — Ишь, рвань какая! Воришко, небось.

— Ничего я не бралъ, — поспѣшилъ оправдаться Сенька. — Ничего не бралъ, вонъ спросите у него.

И онъ обернулся къ сторожу.

Но вѣденіе былъ уже не одинъ сторожъ.

Стояли еще какіе-то люди въ сѣрыхъ пиджакахъ и зеленыхъ фартукахъ, а сверху, по широкой, устланной пестрымъ ковромъ, лѣстницѣ спускался важный баринъ въ крахмальномъ бѣльѣ, въ сюртуке и при часахъ.

Сенька, который обладалъ способностью даже въ самыя тяжелыя минуты въ своей жизни не лишаться дара наблюдательности, которымъ одарила его природа, тотчасъ же принялъ къ свѣдѣнію, что волосы у него подстрижены ежомъ и, надо думать, подкрашены, потому что такихъ черныхъ волосъ въ сочетаніи съ

такимъ старымъ лицомъ Сенька встрѣчать что-то не доводилось; жидкую и тоже очень черную бородку барина Сенька называлъ про себя иѣмецкой, про усы же подумалъ:

„Пробошникомъ какимъ запустилъ!“

И подивился на лаковые блестящіе сапоги:

„Важнецки вычищены; который олухъ чистиль, три пота спустилъ!“

— Вѣчно у васъ скандалы! — громко сказалъ господинъ. — Это изъ чѣго отදленія?

— Не нашъ это, — въ одинъ голосъ сказали люди въ сѣрыхъ пиджакахъ.

— Хулиганъ! — решительно отозвался дворникъ. — Поди, еще и укралъ чтѣ.

— Воръ и есть, — поддержалъ сторожъ. — Какъ только онъ у меня часы не сволокъ!..

— Врешь! — запальчиво крикнулъ Сенька.

— Затворите дверь! — сердито приказалъ господинъ. — У васъ вѣчно всѣ двери настежь, всѣ скандалы на улицу выносите, и отъ сквозняка не знаешь, куда дѣваться.

Двери заперли.

И хотя дворникъ теперь ужъ не держалъ Сеньку за руку, мальчикъ сразу упалъ духомъ. Онъ почувствовалъ себя въ плѣну, и дикий, испуганный взглядъ его беспокойно заметался въ обширной передней съ дубовыми вѣшалками, съ огромнымъ зеркаломъ въ тяжелой рѣзной рамѣ, съ каминомъ, въ которомъ, медленно умирая, рдѣли послѣдніе догоравшіе угли, по лицамъ этихъ чужихъ, столпившихся вокругъ него, враждебныхъ ему людей.

— Воръ и есть! — сердито ворчалъ сторожъ. — Если бъ ты не былъ воромъ, зачѣмъ бы тебѣ въ домѣ лѣзть? Какой ловкий! А! Изъ молодыхъ да ранній. Его обыскать надо, на немъ непремѣнно что-нибудь есть... Онъ меня убить хотѣлъ...

— Врешь! — еще запальчивѣе крикнулъ Сенька. — Я бы тебя пальцемъ не тронулъ. Ты первый началъ.

— Молчать! — крикнулъ господинъ. — Зачѣмъ ты здѣсь очутился?

Тутъ только Сенька вдругъ вспомнилъ про письмо въ голубенькомъ конвертѣ.

Онъ сунулъ руку за пазуху, развернулъ рваный газетный листокъ, при чемъ уронилъ на полъ комитетскую бумагу, и протянулъ господину письмо доброй барыни.

Бумагу съ пола поднялъ одинъ изъ сѣрыхъ пиджаковъ и почтительно подалъ ее господину.

Тотъ уже пробѣжалъ письмо, заглянулъ въ бумагу и то и другое сунулъ въ карманъ брюкъ и, сердито оглядѣвъ Сеньку, сказалъ:

— Ты какъ же смѣлъ лѣзть съ парадного крыльца, да еще дратъся?

Сенька подумалъ о широкихъ каменныхъ ступеняхъ, о стеклянномъ навѣсѣ надъ ними, о лѣвиныхъ мордахъ съ бронзовыми кольцами на черныхъ полированныхъ дверяхъ. Что-то не помнилъ Сенька, чтобы ему приходилось когда-нибудь въ жизни входить въ такія двери, и онъ тотчасъ же понялъ, что онъ не про него писаны, и созналъ свою вину. Надежда и желаніе оправдаться немедленно заслонили въ немъ чувство страха, и онъ бойко отвѣтилъ:

— Я вѣдь не къ себѣ пришелъ, чтобы мнѣ у васъ всѣ двери знать. Вижу — дверь, и вошелъ себѣ, какъ къ путнымъ, а этотъ старый песъ бросился на меня, какъ бѣшеный. Еще воромъ называется. Какой я тебѣ воръ? Я у тебя ничего не укралъ. А вотъ накопалъ я тебѣ по первое число — это вѣро. Гляди, къ вечеру рожа-то распухнетъ въ воздушный шаръ.

— Такъ вотъ какъ ты поговариваешь, голубчикъ! — сказалъ господинъ.

— Ишь, стервецъ! — отозвался сторожъ. — И откуда только такие каторжники берутся? Точно у насъ своихъ мало. Теперь еще этого прислали. Я, Андрей Ивановичъ, терпѣть униженіе не согласенъ. Эта кѣй прышъ и такъ со старшими разговариваетъ.

— Ничего, укротится, — отвѣтилъ господинъ.

Потомъ онъ обернулся къ Сенька и, строго и внушительно, разставляя каждое слово по слогамъ, произнесъ:

— Ты принять въ убѣжище. Съ этого момента ты не принад-

лежишь себѣ. Ты обязанъ безпрекословно подчиняться. Безпрекословно. За мнай!

Сенька поднялся вслѣдъ за господиномъ по лѣстницѣ.

Она упиралась въ широкій и свѣтлый коридоръ, покрытый линолеумомъ. Впереди видна была стеклянная дверь на балконъ. Справа въ растворенныя двери Сенька увидѣлъ залу съ блестящимъ паркетнымъ поломъ, съ портретами высокопоставленныхъ особъ въ золоченыхъ рамкахъ, съ малиновыми бархатными стульями вдоль бѣлыхъ подъ мраморъ стѣнъ. Слѣва былъ кабинетъ директора съ тяжелой дубовой мебелью, съ книжными шкафами и съ письменнымъ столомъ посрединѣ, на которомъ Сенька увидѣлъ множество интересныхъ игрушекъ.

Люди въ сѣрыхъ пиджакахъ встали по сторонамъ двери. Андрей Ивановичъ опустился въ кресло передъ письменнымъ столомъ, а Сенька всталъ противъ него.

— Гляди мнѣ прямо въ глаза! — приказалъ Андрей Ивановичъ.

Сенька закинулъ голову и вытаращилъ глаза.

Андрей Ивановичъ разгладилъ на столѣ комитетскую бумагу, ѣзнувъ въ нее, спросилъ:

— Какъ тебя зовутъ?

Сенька тряхнулъ головой и бойко отвѣтилъ:

— Семенъ Яковлевъ.

— А отца какъ звали?

— Сказано, Яковомъ!

— Фамилія твоя какъ?

— Говорилъ вѣдь ужъ: Яковлевъ.

— Вѣроисповѣданія какого?

— Говорятъ, православнаго.

— Да ты-то какого?

— Мнѣ што, мнѣ все равно.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Одиннадцать.

— Читать умѣешь?

— Не бойсь, не проведешь, грамотный.

— И писать умѣешь?

— Имя и фамилію подмахнуть могу, а больше не умѣю.

— Молитвы знаешь?

— Вотчу, бывало, читалъ, да забылъ.

— Теперь иди въ баню, — сказалъ Андрей Ивановичъ.

— Въ баню я не пойду, — отвѣтилъ Сенька.

— Какъ не пойдешь, когда я тебѣ приказываю?

— Мало чего ты будешь приказывать. Мнѣ, братъ, баня не надобна. Мы съ крѣстнымъ третьёва дни въ банѣ были, вотъ какъ парились, небу жарко!

— Не разсуждать! Иди за ними.

Андрей Ивановичъ указалъ на людей въ сѣрыхъ пиджакахъ:

— Это надзиратели, ты обязанъ ихъ слушаться.

— Держи карманъ шире! — отвѣтилъ Сенька. — Очень мнѣ нужны такие хулиганы.

— Уведите его! — приказалъ Андрей Ивановичъ.

Одинъ изъ надзирателей сдѣлалъ шагъ по направленію къ Сеньку.

Но Сенька обошелъ кругомъ столъ и очутился за спиной у Андрея Ивановича.

Въ лицѣ его, за минуту передъ тѣмъ спокойномъ и ясномъ, опять появилось выраженіе запуганного, затравленного звѣрёнка, глаза загорѣлись недобрѣмъ огонькомъ, взглядъ забѣгалъ, замечтался...

Сеньку вдругъ стало до боли жаль крестнаго, жаль сырыхъ и грязныхъ угловъ, въ которыхъ они ютились послѣднее время, жаль подвалныхъ жильцовъ, ихъ ребятишекъ, съ которыми они дружили, жаль людныхъ и шумныхъ улицъ, граммофона въ соѣдней чайной, церковной паперти, на которой всегда можно было настѣлить мѣдяковъ, — жаль всего, что осталось назади, что стало дорого, близко и мило. И въ то же время все, что видѣлъ сейчасъ Сенька кругомъ себя, показалось ему противнымъ, враждебнымъ и грозящимъ ему гибелью.

Отвратителенъ былъ этотъ чистый, блестящій полъ, непривѣтливы и холодны были эти высокія, красивыя, почему-то напоминавшія тюрьму, стѣны. Но особенно противны были лица Андрея Ивановича и надзирателей.

— Убѣчь я отъ васъ хочу, — сказалъ Сенька. — Ей-Богу, право. Я думалъ, у васъ просто, а вижу — народъ вы аховый.

— Не разсуждать! — сердито оборвалъ Андрей Ивановичъ.

— Дяденька, — просительно сказалъ Сенька: — пусті-ка ты меня домой. Я съ крѣстненькимъ прощуся. А? На что я тебѣ? Нонче день все равно пропалъ. Я бы къ вечеру назадъ обернулся, вотъ-те крестъ обернулся бы. Ей-Богу!

— Нѣть ужъ, голубчикъ, не выцарапаешься отсюда, — сердито и, какъ показалось Сеньку, насмѣшило отвѣтилъ Андрей Ивановичъ. — Вотъ недѣльки черезъ двѣ, если будешь ни въ чёмъ не замѣченъ, бальникъ представишь безъ двоекъ, по поведенію получишь отлично — мы тебѣ дадимъ отпускъ, да и то одного не пустимъ, съ дядькой пойдешь. Понялъ?

Андрей Ивановичъ говорилъ внушительно, съ разстановкой и совершенно искренно желалъ, чтобы Сенька его понялъ, но все въ его рѣчи было чуждо Сеньку. Въ ней онъ уловилъ только злобную насмѣшку и наглое издѣватство надъ нимъ. Что же это такое въ самомъ дѣлѣ? Выходитъ, что онъ теперь въ тюрьму попалъ.

Нешто можно человѣка силой, здорово живешь, въ неволѣ держать? Еще добрая барыня говорила, что ему тутъ хорошо будетъ.

Сенька рѣшилъ отстоять свою свободу.

— Да что вы, белены обѣкли? — горячо запротестовалъ онъ. — Нешто я продался вамъ? А коли ежели я жить у васъ не хочу? Ловкіе вы, я вижу. Чуть человѣкъ къ нимъ посунулся, а у нихъ ужъ и хомутъ готовъ. Не на такого напали. Не хочу я у васъ оставаться — вотъ и весь сказъ. Не нравится мнѣ у васъ, къ крѣстному пойду!

— Я съ тобой, голубчикъ, тогда иначе поговорю! — очень тихо, но такъ грозно промолвилъ Андрей Ивановичъ, что Сенька почувствовалъ себя такъ, какъ-будто ему грозила смертельная опасность.

— Уйду, убѣгу! — не своимъ голосомъ, грубо и дерзко закричалъ онъ.

И, изогнувшись, склонивъ голову внизъ, бросился впередъ.

— Уберите его! — приказалъ Андрей Ивановичъ.

Одинъ изъ надзирателей поймалъ Сеньку за ухо. Другой, растопыривъ руки, приготовился схватить его.

Но Сенька былъ ловокъ, силенъ и увертливъ, а во время борьбы эти качества въ немъ удесятерялись. Онъ, не обращая вниманія на боль, что силы мотнули головой и освободилъ свою руку, перевернулся, далъ подножку тому надзирателю, который держалъ его, проскользнулъ подъ мышкой у другого и, съ вызывающимъ видомъ и горящими глазами, отступилъ за письменный столъ и ждалъ.

— Ну, и шельма! — сказалъ одинъ изъ надзирателей.

— Ты, что же это, шутить съ нами вздумалъ? — такъ же тихо и грозно спросилъ Андрей Ивановичъ, и лицо его стало совсѣмъ сѣрымъ и страшнымъ, и глаза съ ненавистью остановились на Сеньку.

Такъ по крайней мѣрѣ казалось Сеньку.

— А вотъ я тебѣ покажу, какъ я шучу! — дерзко отвѣтилъ Сенька.

Онъ уже давно отмѣтилъ на столѣ нѣкоторые предметы и сдѣлалъ имъ оѣнъку.

Почти все можно было не безъ выгода продать, кое-что заложить. Но самымъ цѣннымъ въ глазахъ Сеньки являлось то, что могло служить оружіемъ. Къ оружію онъ питалъ страсть, всегда ощущалъ настоятельную нужду въ немъ, а въ данный моментъ эта нужда была особенно острой. Двѣ вещи на этомъ столѣ сами просились подъ руку: пятнадцати-фунтовая гиря, которой любилъ упражнять мускулы рукъ Андрей Ивановичъ, и старинный дамасскій клинокъ, служившій для разрѣзанія бумагъ, съ короткой серебряной рукоятью.

Настойчивая и сильная мысль у Сеньки обыкновенно тотчасъ же претворялась въ дѣло. Прежде чѣмъ кто-либо изъ присутствующихъ спохватился, Сенька уже держалъ въ правой руцѣ клинокъ, въ лѣвой гирю.

— А ну, кто на меня? Пшоль, мальчикъ! — вырвался у него торжествующимъ крикомъ хищной птицы тотъ кличъ, какой бросали другъ другу мальчишки и хулиганы, готовясь къ бою.

Андрей Ивановичъ побѣлѣлъ, вскочилъ съ кресла и подвинулся къ надзирателю.

Н. Самокишъ. Дѣло при Молевомъ болотѣ (26 іюля 1812 г.).

Сенька замътилъ, какъ вздрагивали его щеки и нижняя губа, и смѣшино и странно запрыгала лѣвая бровь.

— Что стоят? — прохрипѣлъ онъ надзирателямъ. — Хватайте его!

Тѣ сдѣлали нѣсколько неувѣренныхъ шаговъ по направлению къ Сеньку и попятались, когда онъ двинулъ имъ навстрѣчу.

Онъ вышелъ изъ-за стола. Теперь онъ не нуждался въ прикрытии и готовъ былъ сойтись съ врагомъ лицомъ къ лицу.

— Пшоль, мальчикъ! Сыпь! — вторично вырвался изъ его груди привычный знакомый бодрящій кличъ.

Онъ совершенно забылъ, где онъ находится, что было, что будетъ, что ждеть его, что готовить онъ другимъ,—ни о чёмъ подобномъ онъ не думалъ. Ни сзади ни впереди ничего не было.

Быть только одинъ короткій, крохотный моментъ, такой короткій, такой крохотный, что, вотъ еще одинъ мигъ — и онъ исчезнетъ. Но короткій и крохотный, онъ былъ значительности неизмѣримой, важности чрезвычайной для него, Сеньки. Сенькина жизнь была и трепетала на какой-то тонкой и легкой, какъ паутинка, ниточкѣ, и, чтобы эта ниточка не оборвалась, Сеньку нужны были вся его сила, вся его храбрость.

Какіе-то яркіе, похожіе на большие новые серебряные рубли, круги ходили и вертѣлись у него передъ глазами. За этими кругами Сенька ничего не видѣлъ. Не видѣлъ онъ, какъ нажималъ Андрей Ивановичъ пуговицу звонка, какъ вѣжало въ кабинетъ еще нѣсколько сѣрыхъ пиджаковъ въ зеленыхъ фартукахъ. Ни-чего не видѣлъ Сенька.

Онъ стоялъ воинственный, вызывающій и дерзкій, выставивъ правую ногу впередъ, присѣвъ на твердо поставленную лѣвую, которая должна была служить главной опорой всему егѣ тѣлу, съ грудью, выдвинутой впередъ, съ головой, закинутой назадъ, и обѣ руки его, поднятые вверхъ, размахивали своимъ оружіемъ, готовыя разить и наносить удары.

Не видѣлъ онъ, какъ, пригибаясь къ землѣ, пробрались двое надзирателей за его спину и остановились безмолвно, подстерегая удачную минуту. И внезапно сзади схватили его чьи-то сильные руки, кто-то вскрикнулъ, оцарапанный клинкомъ, кого-то онъ успѣлъ ударить гирей, но спереди на него навалились еще трое, обезоружили его, повергли на землю.

Но и тутъ Сенька не сразу уступилъ. Онъ вывертывался, катался по полу, царапался, щипался, кусался и, въ чаду борьбы, оставался равнодушенъ, безчувственъ къ пощечинамъ, подзатыльникамъ и ударамъ кулаками, которые сыпались на него.

Только серебряные круги передъ глазами становились все больше, все ярче, и нельзя было изъ-за нихъ разглядѣть, сколько человѣкъ было и кто биль сильнѣй.

И тогда только разошлись эти круги, и сталъ Сенька яснѣе видѣть, когда хлынули у него изъ глазъ двумя неудержимыми, бурными потоками обидныя, горькія, полныя мучительного стыда слезы, мѣшавшись съ кровью, струившейся по расцарапанной щекѣ и капавшей изъ разбитаго носа на его ветхую миткальную рубашку.

Тогда же Сенька увидѣлъ, что онъ лежитъ связанный по рукамъ и ногамъ, беспомощный и жалкій, усмиренный и побѣжденный, на жесткомъ, блестящемъ паркетномъ полу; онъ зарыдалъ отчаянно, громко и страстно, полный безутѣшнаго страданія и испытывая при каждомъ рыданіи мучительную боль въ груди и спинѣ отъ перенесенныхъ побоевъ.

И такъ безпросвѣтно тяжело, такъ мучительно, безотрадно, такъ безнадежно темно и такъ страшно пусто стало въ душѣ Сеньки, точно все умерло въ немъ, точно все сожжено было какимъ-то жгучимъ, сухимъ и тлетворнымъ вихремъ, что ко всему уже былъ равнодушенъ Сенька.

Безучастенъ былъ онъ, когда надзиратели подняли его и понесли.

И никакого впечатлѣнія не произвѣлъ на него отданый имъ Андреемъ Ивановичемъ приказъ:

— Выпороть и въ карцеръ до распоряженія!

Такими обстоятельствами сопровождалось вступленіе Сеньки въ благодѣтельное убѣжище: „Взысканія погибшихъ“.

III.

Настала ночь.

Она настала для Сеньки внезапно, сразу, среди бѣла дня,

какъ только захлопнулась дверь карцера. Сенька очутился въ непроницаемомъ, холодномъ мракѣ.

Онъ беспомощно опустился на полъ, гладкій и тоже холодный, и впалъ не то въ забытье, не то въ тяжелую дремоту.

Казалось ему, что онъ видѣлъ дурной и страшный сонъ, и до того представлялось невѣроятнымъ и ужаснымъ все то, что произошло, что даже боль въ груди и ноющія, избитая спина и плечи не могли его заставить повѣрить въ дѣйствительность пережитаго.

Долго сидѣлъ такъ Сенька, тупо-равнодушно, застывшій, погруженный въ болѣзненную дремоту, не думая, не соображая и только смутно чувствуя, что у него болятъ и тѣло и душа.

Постепенно онъ пришелъ въ себя, почувствовалъ, что озябъ, и поднялся съ полу. Широко раскрылъ онъ глаза, стараясь хоть что-нибудь разглядѣть, но ничего не было видно. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и вилотную подошелъ къ стѣнѣ, такой же холодной и такой же гладкой, какъ и полъ. Проводя рукой по стѣнѣ, онъ пошелъ дальше, уперся въ уголъ и обошелъ такъ всѣ четыре стѣны маленькой квадратной каморки. Потолокъ,—онъ чувствовалъ,—уходитъ далеко въ высоту, и, должно-быть, онъ такой же гладкій и холодный, и Сеньку казалось, что съ него несетъ на него холодомъ, а мракъ вверху точно еще гуще и скрываетъ въ себѣ что-то нечеловѣчески-ужасное, чудовищное и злобное.

Сердце у Сеньки забилось, и капельки холоднаго пота выступили на внезапно остывшемъ, какую-нибудь минуту тому назадъ разгоряченномъ, лбу и на стучавшихъ вискахъ. Инстинктивно онъ закрылъ глаза и нѣсколько минутъ стоялъ неподвижный, подавленный, въ предвкушеніи какого-то невѣдомаго, надвигающагося на него ужаса, и почему-то, пока онъ стоялъ такъ, ничего не видя и только испытывая чувство непобѣдимаго, безпричиннаго страха, слухъ его обострился до чрезвычайности, и всѣ шумы и шорохи, казалось, не могли укрыться отъ него. Кто-то прошелъ у него надъ головою, должно-быть, въ верхнемъ этажѣ, и онъ сосчиталъ шаги и отмѣтилъ ихъ характерная особенности. Гдѣ-то очень далеко долго звенѣлъ, надрываясь, всхлипывая, плача и заливаясь, колокольчикъ. Кто это звонилъ и зачѣмъ? Или это только показалось ему и звенилъ у него въ ушахъ?

Потомъ все стихло, и напрасно Сенька вопрошалъ тишину.

Все точно умерло.

Сенька опять открылъ глаза и опять обошелъ вокругъ своей тюрьмы. Теперь онъ понялъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ. Онъ искалъ постели, скамейки, стула, табуретки, чего-нибудь, гдѣ бы можно было притулиться и отдохнуть. Но все было пусто, и Сеньку стало понятно, что за чудовище угнетало его въ этомъ холодномъ мракѣ.

Это была пустота. Ничто.

Тогда Сенька пересталъ бояться. Онъ почувствовалъ себя опять смѣлымъ и мужественнымъ. Теперь сердце его забилось уже не отъ страха. Оно рвалось на волю, и Сенька рѣшилъ не сдаваться и во что бы то ни стало отвоевать свободу. Онъ нашелъ дверь карцера и поискалъ на ней замка или ручки. Но она была вся гладкая, и, когда онъ постучалъ въ нее, она издала глухой, недобрый звукъ.

— Французскій замокъ, — рѣшилъ Сенька.

Онъ между прочимъ считалъ себя знатокомъ и въ замкахъ. Это соображеніе практическаго и дѣлового характера вызвало въ Сеньку цѣлый рядъ новыхъ представлений и отвлекло отъ тяжелой дѣйствительности.

Ясно, какъ Божій день, что надо бѣжать отсюда. А вотъ какъ? Этого сразу не выдумаешь. Дѣло это надо хорошо обмозговать. Торопиться съ этимъ нечего. Поспѣшишь — людей насышишь. Хуже всего то, что съ голыми руками не много сдѣлаешь. Будь у него „фомка“ (ломъ) или хоть „перышко“ (ножикъ), онъ бы живо съ замкомъ справился. А вотъ нѣтъ ихъ.

Сенька съ головой ушелъ въ изысканія способовъ къ своему освобожденію. Онъ опять усѣлся на полъ. Но теперь онъ уже не думалъ ни о темнотѣ, ни о холодахъ, ни объ одиночествѣ. Даже о боли онъ позабылъ.

Сенька былъ крѣпокъ и выносливъ и умѣлъ не считаться съ физическими страданіями тамъ, гдѣ нужно было здраво и трезво обсудить положеніе. Выбраться ему отсюда самому, безъ посторонней помощи невозможно, — это онъ понялъ. Значитъ, нужно

ждать, когда его выпустятъ. Вѣдь должны же они его выпустить. Только вотъ когда? День и ночь навѣрное продержать. А можетъ, два дня или три. Неужели цѣлую недѣлю? Не можетъ этого быть.

Нѣть, его скоро выпустятъ. Ну, сегодня никто не придетъ, а завтра ужъ навѣрное кто-нибудь заглянетъ.

Вотъ тутъ-то онъ ихъ и разыграетъ. Такой казанской сиротой прикинется, что всѣхъ ихъ проведетъ. А какъ выпустятъ его, тамъ ужъ видно будетъ, чтѣ дальше дѣлать.

Эти размышенія значительно успокоили Сеньку. Теперь онъ совсѣмъ не боялся. Только очень ныло и болѣло тѣло, и такую усталость чувствовалъ онъ, что хотѣлось лечь, закутаться и заснуть.

А на полу было жестко и холодно и, какъ ни пробовалъ Сенька улечься, все было больно и неловко.

Долго ворочался онъ съ боку на бокъ, не находя себѣ мѣста. Время тянулось убѣйственно долго, и Сенькѣ казалось, что ужъ прошелъ день, и ужъ прошла ночь, и что вотъ-вотъ подойдутъ къ двери и отворятъ ее.

Но за дверью все было тихо. О Сенькѣ точно забыли.

И когда наконецъ дѣйствительно настала ночь, и все зданіе убѣжища погрузилось въ мертвое безмолвіе, измученный, избитый Сенька ощущилъ эту страшную, сонную ночную тишину и снова почувствовалъ себя заброшеннымъ, несчастнымъ, заживо-похороненнымъ.

Онъ съ трудомъ поднялся съ полу. Затекшія ноги едва слушались его. Дотащился до двери и изо всей силы ударилъ въ нее кулакомъ. Очень больно ушибъ руку, и боль отозвалась въ плечѣ и въ боку. А дверь откликнулась какъ-то угрюмо и глохо.

Сенька приникъ къ ней головой и раздирающимъ голосомъ, чтѣ было мочи, закричалъ:

— Дяденька! Дяденька, простите меня!

Откликнулись холодныя каменныя стѣны:

— Тра-та-та! Тра-та-та! Тра-та-та-та!

Точно стая невидимыхъ птицъ вдругъ снялась съ мѣста и захлопала крыльями.

И снова все умерло.

Сенька прижался къ двери лбомъ и, собравъ всѣ свои силы, крикнулъ еще громче:

— Дяденька! Дяденька, выпустите меня!

Снова затрепетали и забились крылья невидимыхъ птицъ, и все смолкло.

Отчаянѣе овладѣло Сенькой. Онъ забылъ про свои планы и расчеты, онъ утратилъ всякую способность быть благоразумнымъ и терпѣливымъ. Онъ чувствовалъ невыносимую боль въ груди, въ спинѣ, въ бокахъ, ныли плечи, ныли руки и ноги, точно раскаленнымъ желѣзнымъ обручемъ была скована голова, и, когда онъ ударился ею въ дверь, звукъ показался гулкимъ и могучимъ, а головѣ не стало болѣній.

Тогда онъ уперся руками въ дверь и сталъ биться въ нее лбомъ. И при каждомъ ударѣ онъ кричалъ, какъ ему казалось, чтѣ было силы, разрывая себѣ грудь отъ боли:

— Дяденька, простите! Дяденька, выпустите!

Но ужъ не хлопали больше, взлетая, птицы, и, безучастныя, безмолвно стояли каменныя стѣны, и въ мертвомъ молчаніи глухо билась въ дверь дѣтская голова, и думая, что кричать во весь голосъ, шепталъ заплетающимся языкомъ, задыхаясь и изнемогая, Сенька:

— Дяденька, простите! Дяденька, выпустите!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Стихотворенія.

Въ лѣтній день.

Медлительно проходитъ лѣтній день
Въ дремотности томительной и нѣжной.
Люблю одинъ забраться въ лѣсъ и тѣнь
Не съ строгой думой, а съ мечтой небрежной.
Не торопясь, сажусь на старый пень
И слушаю въ пустынности безбрежной,
Какъ лѣсъ шумитъ... Прохладой дышитъ сѣнь...
А въ вышинѣ толпою бѣлоснѣжной
Надъ мглой вершинѣ проходятъ облака
И медленно, какъ сновидѣнья, таютъ...
Моей душой мечты овладѣваютъ:
Дѣйствительность такъ странно-далека,
Какъ-будто бы она мнѣ только снилась,
Какъ облако въ лазури, растворилась.

* * *

Лѣтняго вечера ласковымъ сумракомъ
Нѣжно овѣянъ мой духъ.
Такъ безболѣзенно, кротко и радостно
День погорѣлъ и потухъ.

Небо мечтательно краски раскинуло —
Нѣжные вздохи зари.
Другъ мой, забудь все земное и тлѣнное,
Въ вѣчное небо смотри.

Видишь:—сгущаются тѣни вечернія,

Только, гдѣ солнце зашло,

Словно воздушное, голубоводное

Озеро блещеть свѣтлѣ...

Кажется, тамъ—изъ таинственной вѣчности,—

Движась по зеркалу водъ,

Дивный корабль съ дорогими усопшими

Тихо, какъ сонъ, проплынетъ

На разсвѣтѣ.

Я разсвѣтъ встрѣчаю въ полѣ сонномъ:
Бродить мгла тумана по межамъ;
Рожь кадитъ дыханье благовоннымъ,
И земля молитвенна, какъ храмъ.

Все кругомъ, какъ въ незажженномъ храмѣ,
Ждеть огней и возгласовъ святыхъ,
Алтари восходять облаками,
Гдѣ разсвѣтъ загадоченъ и тихъ...

На востокѣ смотрю я долгимъ взоромъ,
Весь овѣянъ таинствомъ земли:
Заалѣлъ востокъ надъ дальнимъ боромъ,
Тѣни, дрогнувъ, къ лѣсу поползли..

Я стою въ нѣмомъ благовѣнїи,
Освѣщеный отблескомъ зари;
И плывутъ въ священномъ облаченіи,
Золотомъ сверкая, алтари...

Филаретъ Черновъ.

Слѣпой.

Разсказъ Пьера Лилля.

Онъ шелъ медленно, осторожно, маленькими, размѣренными шагами, положивъ руку на плечо солдата 75 пѣхотного полка, шагавшаго съ такой же осторожностью, то и дѣло посмотривая на ноги и зоркоглядываясь въ лицо своего спутника. Голова его была слегка приподнята, глаза закрыты, выраженіе лица напряженное, полное удивленія, вниманія, какой-то боязни.

Вдали двѣ вершины Роны. Облака, съ позлащенными верхушками, поколились на болѣе высокихъ холмахъ. Между двумя холмами красивый, оригинальной архитектуры храмъ доминировалъ надъ широко-раскинувшимися садами и искусственными

лѣстницами, высѣченными въ скалѣ, до нѣкоторой степени напоминающей собой подражаніе замкамъ, которые англичане такъ любятъ воздвигать на променадахъ фешенебельныхъ курортовъ.

Стояла глубокая осень, но въ воздухѣ не было и признака тумана. Сухой вѣтеръ едва давалъ себѣ чувствовать. Солнце ярко сияло на чистомъ голубомъ небѣ, оживляя и молодя всю природу. На деревьяхъ весело чирикали птички, да и насѣкомыя еще не угомонились, несмотря на приближающуюся зиму.

— Лионъ очень красивъ!.. — началъ солдатъ нерѣшительно, какъ бы извиняясь за нарушенное молчаніе.

— Не знаю,— отвѣтилъ другой.— Я не изъ этого округа.

— И вы такъ-таки ничего не видите, даже теперь? Совсемъ ничего? Вы никогда не были здѣсь въ дѣствѣ? Вы совсѣмъ слѣпой? Ничего кругомъ?

Затѣмъ онъ сталъ повторять самому себѣ, какъ бы стараясь облачить въ надлежащіе образы разные виды, развертывающіеся передъ ихъ глазами:

Холмы, облака, солнце, деревья. Тамъ церковь со стѣнами, увитыми плющемъ. Бѣлая дорога извивается по откосу, какъ пыльная змѣя.

Онъ опять обернулся къ слѣпому и спросилъ настойчиво, какъ бы все еще не довѣряя и сомнѣваясь:

— Вы не можете видѣть дома, лошадей и скѣтъ? Вы даже не знаете дороги, по которой я веду васъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ тотъ отрывисто:—я не могу видѣть.

Солдатъ впасть въ меланхолію. Точно ему стало неловко отъ мысли, что могутъ быть такие несчастные, которымъ въ жизни остается только ждать и быть терпѣливыми. Его же настоящей жизнью были дѣятельность, движеніе, работа.

Они шли молча, ровнымъ шагомъ по крайней мѣрѣ съ полчаса, каждый занятый своими собственными мыслями.

— Вотъ тамъ военный госпиталь,—сказалъ наконецъ солдатъ и облегченно вздохнулъ, обрадованный, что его задача почти окончена.

Онъ остановился, чтѣ сдѣлалъ и слѣпой. Солдатъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ и нетерпѣливо позвонилъ. Какъ только показался привратникъ, онъ поспѣшилъ избавиться отъ своей обузы,—упорное молчаніе спутника оскорбляло его.

— Этотъ человѣкъ пріѣхалъ въ штабъ одинъ,—объяснилъ онъ.—Пріѣхалъ по желѣзной дорогѣ съ бумагой, подписанной маюромъ Римского полка. Его сопровождали до Веза, но тамъ его оставили, и онъ продолжалъ путешествіе одинъ. Не знаю, почему. Когда же услышалъ: „Ліонъ“, онъ сошелъ съ поѣзда и остался стоять на платформѣ, пока съ нимъ не заговорили. Онъ сказалъ лейтенанту, что у него есть подписанная бумага для госпиталя. Офицеры прочли ее и, разспросивъ его о слѣпотѣ, передали мнѣ, чтобы отвезти въ госпиталь.

— Такъ,—сказалъ привратникъ безразлично.—Можешь оставить мнѣ его. Я присмотрю.

Во время ихъ разговора слѣпой оставался совершенно безсловеснымъ и неподвижнымъ на мѣстѣ, гдѣ солдатъ оставилъ его. Трудно было догадаться, о чѣмъ онъ думалъ.

Когда его позвали, онъ приблизился съ протянутыми руками. Привратникъ взялъ у него свертокъ бумагъ, которыя онъ разсѣянно перебиралъ въ рукахъ.

— Ваше имя Готгардъ?

Отвѣта не послѣдовало.

— Вотъ смѣшное имя,—подмигнулъ онъ солдату.—Вы, слѣпой?—продолжалъ онъ.

Молчаніе.

Привратникъ нахмурился; его это начинало раздражать.

— Вы слѣпой да никакъ и нѣмой? Вашимъ глазамъ не будетъ хуже, если вы вѣжливо отвѣтите, разъ вѣдь спрашиваются.

Солдатъ отошелъ, и ворота закрылись за слѣпымъ.

Служитель взялъ его подъ локоть и повелъ наверхъ въ первый этажъ, гдѣ помѣщался лазаретъ. Послѣ всѣхъ формальностей онъ наконецъ указалъ слѣпому чистую, бѣлую кровать у открытаго окна:

— Эта будетъ ваша.

Готгардъ сѣлъ и терпѣливо ждалъ.

Въ лазаретѣ было очень хорошо и прохладно, такъ покойно и тихо,—человѣчество сострадательно относится къ тѣмъ, которые слѣпы или отъ рожденія, или вслѣдствіе какого-нибудь несчастнаго случая.

II.

— Готгардъ, 78 корпуса,—сказалъ маюромъ Роджерсъ язвительно.—Я знаю, въ чѣмъ дѣло. Товарищъ Римского полка передалъ мнѣ въ письмѣ всѣ факты. Вы—обманщикъ, анархистъ!.. Дайте-ка мнѣ офтальмоскопъ.

Послѣднія слова были обращены къ ассистенту.

Маюромъ былъ мужчина среднихъ лѣтъ, съ умнымъ, интеллигентнымъ лицомъ, немного омраченнымъ тѣжелыми, нависшими прямыми бровями и пронизывающимъ взглядомъ стальныхъ, холодныхъ глазъ. Онъ любилъ свое дѣло со страстью врожденного солдата и, имѣя уже напивки, былъ такъ же привязанъ къ своей работѣ, какъ первый день, когда рѣшилъ добиться отличія.

— Вы принимали участіе въ различныхъ демонстраціяхъ со своими товарищами,—продолжалъ онъ холодно.—За нѣсколько дней до выступленія вашего корпуса изъ Дрома вы притворились, что вдругъ ослѣпли. Исторія правдоподобная, не правда ли?—для совершенно ослѣпшаго въ одну ночь! А я говорю: вѣдь не вѣроятная, положительно невозможная; это противъ всѣхъ законовъ науки, и я собираюсь доказать, что вы мошенникъ и обманщикъ! У доктора Римского полка, къ несчастью, не было офтальмоскопа, иначе вашъ обманъ не продолжался бы такъ долго. Вѣроятно, это и есть причина, почему онъ отослалъ васъ сюда. Вы бунтовщики, не желаете признавать воинскаго устава, а потому и выбрали слѣпоту, какъ наиболѣе легкій способъ избавиться отъ службы... Мы еще посмотримъ, мой другъ, посмотримъ!—Брови маюра сошлись почти въ одну линію.

Онъ говорилъ безстрастнымъ, хладнокровнымъ тономъ.

Передъ нимъ былъ симулянтъ. Онъ чувствовалъ это безъ всякихъ словъ, и его обязанностью, какъ доктора, какъ офицера арміи, было это доказать. Маюръ-докторъ Роджерсъ былъ не изъ тѣхъ, которые склоняются отъ обязанностей, налагаемыхъ профессіей.

— Если бы вы, напримѣръ, сказали, что ваше зрѣніе затѣмнено,—я бы еще повѣрилъ, что солнце было причиной. Это было бы понятно, возможно. Но полная слѣпота! Какъ это, вы говорите, случилось?

— Я шелъ по дорогѣ въ Сентъ-Этьенъ съ товарищами,—отвѣтилъ Готгардъ, медленно выговаривая каждое слово, какъ бы рассказывая то, что онъ съ трудомъ выучилъ.—Солнце было очень яркое, такъ что на песокъ нельзя было смотрѣть. Мнѣ сдѣлалось дурно, и я зашатался, точно мнѣ кто выпалилъ изъ ружья въ глаза. Я упалъ внизъ лицомъ и закричалъ товарищамъ: „Я не вижу, я не вижу!“

Докторъ далъ ему договорить до конца, притворяясь, что не смотрѣть, но все время бросая на него украдкой взгляды. Онъ передвигалъ что-то на столѣ, какъ бы ища инструменты, а затѣмъ, неожиданно наклонившись впередъ, ткнулъ указательнымъ и маленькимъ пальцами правой руки въ глаза слѣпого, остановившись только въ нѣсколькохъ дюймахъ отъ расширенныхъ зрачковъ. Этотъ способъ пугать и заставлять выдавать себя былъ извѣстенъ давно и даваль блестящіе результаты. Средство самое вѣрное.

Но ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на лицѣ Готгарда, ни одна рѣбница не затрепетала.

— Ловко, чортъ возьми! Смѣлый по крайней мѣрѣ!—Докторъ повернулся къ ассистенту:—Пожалуйста, закройте всѣ двери и окна,—приказалъ онъ.

Искусственная ночь воцарилаась въ комнатѣ.

Былъ зажженъ офтальмоскопъ, и маюръ сразу направилъ лучъ яркаго свѣта на зрачки пациента. Эти вспышки электричества имѣютъ страшную силу. Готгардъ не двинулся, его глаза оставались неподвижны, лицо пассивно.

— Ловко сдѣлано!—воскликнулъ докторъ, не скрывая восхищенія.—Вы, должно-быть, долго репетировали, прежде чѣмъ рѣшились на послѣдній шагъ. Только вы позабыли маленькую вещь, мой другъ: ваши зрачки реагируютъ на свѣтъ. Слѣпые глаза не обладаютъ этой способностью.

Если послѣ нѣсколькохъ секундъ абсолютной темноты направить въ лицо струю свѣта, то зрачки всегда суживаются. Это явленіе было замѣчено острѣмъ взглядомъ доктора, когда онъ открылъ ставни. Онъ посмѣвался себѣ въ усъ. Его фраза слѣпому была хитростью, чтобы отвлечь вниманіе, пока явится свѣтъ. Теперь у него было неопровергимое доказательство, что толькъ лгалъ, потому что природа не обманываетъ, и глаза Готгарда непроизвольно замигали.

— Ваши глаза совершенно здоровы. Въ нихъ ровно ничего нѣтъ, даже и тѣни на зрачки. Вы—образецъ здоровья и силы и будете продолжать службу республикѣ.

— Не моя вина, что есть болѣзни, которыхъ доктора не понимаютъ!—отвѣтилъ упрямо Готгардъ. Онъ говорилъ съ безразличностью, которая съ его стороны равнялась критикѣ.—Я только повторяю, что не могу видѣть.

— А я заявляю, что можете! Это утвержденіе—такой же абсурдъ, какъ если бы вы увѣряли, что перестали владѣть ногами. Я вижу, что вы можете такъ же прекрасно видѣть, какъ и ходить! Можете убираться!

III.

Рядовой Готгардъ, окончательно пойманный освидѣтельствованіемъ доктора, былъ приговоренъ къ мѣсячному заключенію за симуляцію болѣзни, которая сдѣлала бы его негоднымъ къ службѣ. Онъ долженъ былъ оставаться совершенно изолированнымъ въ маленькой камерѣ, гдѣ не было ни кровати ни стола, въ теченіе тридцати дней. Воздухъ еще проникалъ въ нее, хотя довольно скучно, но солнце совершенно не заглядывало. Онъ жилъ въ вѣчныхъ сумеркахъ.

А какая ёда! Коричневый овсяный хлѣбъ, черствый и невкусный, вода въ ограниченномъ количествѣ и прогорклое масло.

Темная камера—одно изъ самыхъ утомительныхъ наказаній во французской арміи, и нѣтъ ничего удивительного, что въ концѣ концовъ Готгардъ отказался отъ пищи. Онъ жаловался, что къ нему несправедливо относятся, и что онъ не признается, что совершилъ какой-либо проступокъ. Не было доказательствъ, что онъ обманщикъ.

Для того, чтобы заключенный (обыкновенно послѣ двухнедѣльного заключенія) могъ дышать свѣжимъ воздухомъ, ему дозволялась прогулка по двору, гдѣ онъ таскалъ большие камни съ одной стѣны на другую. Но такъ какъ Готгардъ продолжалъ упорствовать, что ничего не видѣть,— никто не ждалъ, что онъ будетъ работать.

Караульные, согласно инструкціи штаба, слѣдовали за нимъ по пятамъ, напрасно стараясь испугать его и уличить въ притворствѣ. Но онъ оставался стоять неподвижно, когда кто-нибудь изъ нихъ какъ бы нечаянно наступалъ ему на ногу, только болѣзньное выраженіе лица выдавало его, какъ бы упрекая, когда они заходили слишкомъ далеко. Многимъ изъ солдатъ становилось стыдно за эти непристойныя шутки и издѣвателства, глядя на на-

пряженное жалобное выражение его бледного лица. Они окрешили его Наполеономъ. Другие, менее чувствительные и поощряемые насыщками партии, заставлявшими ихъ этимъ заниматься, прозвали его плутомъ. Въ концѣ концовъ оба прозвища были соединены, и Готгардъ сталъ извѣстенъ по всему полку подъ именемъ „плута-Наполеона“. Только ночью находилъ онъ минуту покоя отъ этихъ насыщекъ и день-ото-дня становился все худѣе и утомленнѣе.

Если онъ даже и притворялся слѣпымъ, то во всякомъ случаѣ заслуживалъ состраданія.

Наконецъ наступило утро, когда двери его темницы широко распахнулись, и онъ былъ выведенъ, послѣ чего ему заявили, что относительно его получены особыя распоряженія.

IV.

Неподвижно устремивъ глаза въ одну точку и откинувшись назадъ голову, медленно шелъ Готгардъ по полямъ, сопровождаемый караульными. Они шли по ту сторону Гилотьера. Ночью выпалъ дождь, и воздухъ все еще былъ насыщенъ сыростью, пронизывающей до мозга костей. Дорога была вся сплошь въ лужахъ, но Готгардъ шагалъ по нимъ, безразличный къ брызгамъ грязи, отлетавшимъ на его спутниковъ.

— Если бы ты только смотрѣлъ, куда лѣзешь, я бы не рисковалъ нарваться на выговоръ за неряшество.

— Вы забываете, что я слѣпъ! — отвѣтилъ спокойно Готгардъ.

— Нечего тянуть старую пѣнсу, лгунъ! Смотри лучше на землю, чѣмъ считать звѣзды, тогда глаза-то и ноги, будь ты слѣпъ или нѣть, лучше зарабатываютъ, а не устраиваютъ такое мѣсило. Опусти голову-то!

— И тогда я смогу видѣть? — спросилъ тотъ иронически.

— И сможешь! — закричалъ со злостью караульный. — Теперь для тебя лучше было бы имѣть глаза на спинѣ, любезный! Съ твоимъ здоровьемъ собираются произвести маленькое испытаніе не изъ особенно пріятныхъ.

Второй караульный хрюпло засмѣялся. Онъ зналъ, что за рецептъ прописали несчастному. Заключенный презрительно молчалъ, не желая повиноваться ихъ желаніямъ, и продолжалъ шагать, обдавая солдатъ грязью. Наконецъ они окончили свою длинную прогулку.

Фортъ Ламотъ былъ сооруженъ для защиты города Лиона отъ возможной атаки иностранной арміи. Это было пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда политическая дѣла Франціи были болѣе запутаны, чѣмъ теперь. Позднѣе на фортъ смотрѣли скорѣй какъ на архитектурное украшеніе, чѣмъ на крѣпость. Въ то время въ гилотьерскихъ казармахъ стояли пѣхотный полкъ и батальонъ артиллеріи. Надъ долиной высилась стѣна футовъ пятнадцати вышиною, очень широкая и почти въ милю длиной, служившая валомъ, съ большими желѣзными воротами, отъ которыхъ вела въ деревню по ту сторону винтовая лѣстница. Такимъ образомъ мѣстность по ту сторону вала, гдѣ были казармы, лежала въ лощинѣ по крайней мѣрѣ футовъ на двадцать. Готгардъ взобрался по лѣстницѣ и прошелъ черезъ ворота, не отдавая чести часовому. Караульные не упустили случая упрекнуть его за небрежность, за неуваженіе къ уставу, точно они боялись быть наказанными за него. Слѣпой поднялъ руку для салюта, пробормотавъ извиненіе. Докторъ Роджерсъ ждалъ ихъ. Его окружали офицеры, съ которыми онъ о чѣмъ-то горячо толковалъ. Одни слушали съ почтительнымъ видомъ, нѣкоторые усмѣхались.

— Онъ великолѣпно разыгрываетъ свою роль, — сказалъ молодой офицеръ, указывая на приближающагося Готгарда.

— Мне кажется, что онъ слишкомъ упорствуетъ, — проѣдилъ другой, пожимая плечами.

Вмѣшался полковникъ.

— Мы это увидимъ черезъ нѣсколько минутъ, — сказалъ онъ насыщливо.

Докторъ Роджерсъ слабо улыбнулся:

— Вы знаете, полковникъ, я продолжалъ протестовать противъ подобного эксперимента. Шутка черезчуръ жестокая.

— Можете протестовать, докторъ, сколько вамъ угодно. Готгардъ теперь уже не въ вашихъ рукахъ — онъ рядовой въ той части, гдѣ я командую. Вы же сами утверждали, что онъ можетъ видѣть. Чѣмъ же вамъ еще нужно? Я же поступлю, какъ мнѣ заблагоразсудится.

— Но предположимъ, что я не правъ. Подумайте только о всей жестокости!

— Если вы ошиблись, это ваше дѣло. Все, что я знаю, это то, что подъ моей командой находится солдатъ, который годенъ для службы, но который упорно отказывается исполнять свои обязанности подъ предлогомъ потери зрѣнія. Мы въ наказаніе посадили его подъ арестъ. Если бы онъ смирился, я прекратилъ бы все это. Но онъ продолжаетъ настаивать. Я же не дуракъ, не думайте.

Полковникъ обратился къ молодому лейтенанту:

— Все готово, Гастонъ?

— Такъ точно, господинъ полковникъ. Если онъ пойдетъ съ того мѣста, гдѣ стоять, то очутится прямо надъ долиной. Въ этотъ моментъ онъ будетъ на разстояніи двадцати ярдовъ отъ пропасти. Я отдалъ приказъ остановить его.

— Надѣюсь, все мѣры предосторожности приняты? — спросилъ суроно докторъ. — Нельзя сказать, чтобы все это было красиво.

— Некрасиво!.. Думаете, попадетъ въ газеты? — спросилъ полковникъ.

— Не думаю. Если только онъ — первоклассный лгунъ. Даже

негодяй! Нѣть, полковникъ, — замѣтилъ докторъ выразительно: — онъ поступаетъ недостойно по отношенію къ республикѣ, но мое искреннее мнѣніе, что онъ храбрый человѣкъ, очень храбрый, и я положительно симпатизирую ему и восхищаюсь имъ.

— Обманщикъ, притворщикъ, и для меня этого достаточно, — возразилъ сердито полковникъ. — Вы знаете это сами и однако говорите, что онъ заслуживаетъ восхищенія.

Готгардъ еще больше откинулся назадъ голову; легкий вѣтерокъ игралъ волосами на его вискахъ. Онъ жадно вдыхалъ воздухъ. Караульные повернули его лицомъ по тому направлению, откуда онъ пришелъ, такъ что отъ края пропасти его отдѣляло всего нѣсколько шаговъ. Готгардъ былъ такъ разсѣянъ, что полковникъ окликнулъ его дважды, прежде чѣмъ онъ услышалъ. Тогда только онъ коротко отвѣтилъ:

— Господинъ полковникъ?

— Идите прямо впередъ! — прогремѣлъ приказъ.

Вполнѣ естественно, что онъ полуобернулся на голосъ, измѣнивъ такимъ образомъ направление своихъ шаговъ. Караульные схватили его за плечи и повернули къ стѣнѣ. Полковникъ рѣзко повторилъ:

— Прямо впередъ, чортъ васъ дери! Прямо впередъ!

Готгардъ, спотыкаясь, зашагалъ, караульные на шагъ отъ него. Впереди ему грозило ужасное паденіе въ долину, всю усыпанную камнями, покрытую грязными лужами.

— Впередъ! — гремѣлъ полковникъ. — Впередъ!

Многіе поблѣднѣли. Караульные отвернулись. Солдатъ шелъ навстрѣчу смерти медленно, осторожно, безъ наружного проявленія страха. Но вдругъ выраженіе его лица измѣнилось, широко раскрытые глаза наполнились слезами, зубы закусили нижнюю губу. Лицо его на минуту приняло испуганное выраженіе. Онъ точно старался рѣшить какой-то вопросъ. Затѣмъ его лицо прояснилось, и онъ снова овладѣлъ собой.

Пятнадцать, шестнадцать, семнадцать. Считалъ ли онъ шаги? Его лицо смертельно поблѣднѣло. Двадцать, двадцать одинъ, двадцать два. Онъ шелъ безъ колебанія.

— Остановитесь! — крикнулъ хрюпло докторъ. — Онъ зашелъ достаточно далеко! Остановите его ради Создателя!

Двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь. Надъ головой Готгарда виласъ, чиркала птичка. Тридцатый шагъ увлекъ бы его въ пропасть. Двадцать девять. Безъ крика перешагнулъ Готгардъ и исчезъ.

Молчаніе. Ужасное, убийственное молчаніе.

Кто-то ахнулъ, тяжело вздохнулъ. Всѣ бросились къ валу.

— Смѣлая бестія! — невольно вырвалось у полковника.

— Я никогда не сомнѣвался въ немъ! — крикнулъ Роджерсъ. — Онъ сдѣланъ положительно изъ стали!

Но внизу не было трупа. Подъ стѣной была растянута сѣтка, прикрепленная въ двухъ мѣстахъ — къ стѣнѣ и къ шесту, воткнутому въ землю.

Готгардъ лежалъ въ ней, дрожа, закрывъ лицо руками, но совершенно невредимый.

V.

Нѣсколько минутъ спустя, Готгардъ остался съ глазу на глазъ съ докторомъ въ его приемной.

Докторъ все еще былъ въ возбужденномъ состояніи; онъ былъ такъ потрясенъ, какъ еще никогда въ жизни.

Готгардъ былъ тоже взволнованъ, хотя показывалъ это меньше. Потирая руки, онъ задумчиво улыбался.

Полковникъ такъ смягчился, что приказалъ дать ему стаканъ крѣпкаго брэнди, какъ подкрепляющее послѣ такого ужаснаго паденія, но онъ вѣжливо отказался.

— Слушайте, — началъ докторъ: — вы подвергнулись самому грубому испытанію, варварскому,ничѣмъ не оправдываемому. Вы могли догадаться по самой его грубости, что эта была послѣдняя попытка сломить ваше упорство. Я допустилъ это, потому что хотѣлъ знать правду! Вы понимаете: правду! Теперь же я охотно готовъ выдать всякое свидѣтельство, чтобы васъ освободили отъ службы. Конечно, вамъ придется пройти черезъ комиссію, но это — пустая формальность. Никто не рѣшился поднять вопросъ и сомнѣваться. Я уже приготовилъ, нужно только описать сегодняшнее испытаніе. Подождите, пока я кончу.

Нѣсколько минутъ онъ усердно писалъ, искоса посматривая на пациента, какъ бы ожидая, что тотъ займется разглядываніемъ стѣнъ.

Но тотъ сидѣлъ въ томъ же положеніи, безразлично смотря передъ собой.

Докторъ повернулся и протянулъ голубой конвертъ.

Готгардъ не шелохнулся, не сдѣлалъ попытки взять его.

Докторъ загадочно улыбнулся:

— Возьмите.

Готгардъ неувѣренно протянулъ руку, и тотъ всунулъ рапортъ въ его слегка дрожащіе пальцы.

— Прежде чѣмъ разстаться, я хочу спросить васъ обѣ одной вещи и хотѣлъ бы получить правдивый отвѣтъ. Васъ подвергнули самому строгому испытанію, почти казни. Сегодня ваша слѣпота казалась неопровергимой. Вы, надѣюсь, вѣрите, что я искрененъ и человѣкъ слова?

Готгардъ съ минуту раздумывалъ, а затѣмъ отвѣтилъ просто:

— Я вполнѣ вѣрю, что вы говорите искренно.

— Благодарю, — отвѣтилъ докторъ съ такой же простотой. — Я

хочу сказать, что, каково бы ни было ваше признание, я ничего не измѣню въ моемъ свидѣтельствѣ, не буду вмѣшиваться въ рѣшеніе комиссіи. Съ этого момента вы свободны отъ службы. Но я хочу знать, обманула ли меня наука, которой я вѣрно служилъ половину своей жизни? Вы скажете?

— Да,—сказалъ тотъ тихо.

— Тогда скажите прямо, вы слѣпой?

Готгардъ всталъ. Въ его манерахъ произошла перемѣна — изъ безпомощности къ полному самообладанію. Онъ засмѣялся. Въ этомъ смѣхѣ звучала нотка торжества и полнаго удовлетворенія. Сѣдавъ два твердыхъ шага по направлению стола, онъ увѣренной рукой взялъ маленькую книгу въ синемъ переплетѣ, которую докторъ тотчасъ же узналъ: „Подробная инструкція службы для употребленія въ пѣхотныхъ войскахъ“

Готгардъ открылъ книгу на первой страницѣ и безъ всякаго колебанія въ голосѣ, ясно произнося каждое слово, началъ читать:

— „На дисциплину нужно смотрѣть, какъ на самый важный принципъ арміи. Прежде всего солдатъ долженъ научиться повиноваться приказаніямъ своего начальства. Повиновеніе должно быть полное, мгновенное, безъ отношенія къ мѣсту и времени. Приказы должны исполняться буквально, не колеблясь и безъ возраженій. Только лицо, имѣющее власть, ответственно за нарушение закона, отъ подчиненныхъ же требуется только абсолютное повиновеніе.“

— Довольно! — прервалъ его докторъ. — Довольно!

Но Готгардъ продолжалъ:

— „Каждый солдатъ, будь это днемъ или ночью и даже не на службѣ, обязанъ оказывать почтеніе и уваженіе своему начальству и даже офицерамъ чужихъ полковъ.“

Слѣпой, лицо которого сіяло теперь какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ, переродившимъ и сѣдавшимъ его почти благороднымъ, бросилъ книгу и смотрѣлъ прямо въ глаза доктору

Длинная пауза. Оба молчали.

Глаза Готгарда блеснули враждебно, почти нагло.

Докторъ выпрямился. Готгардъ опустилъ глаза и голову, какъ бы извиняясь.

— Минъ не нужна канцеляршина, — сказалъ холодно докторъ. — Я спрашивалъ васъ, какъ человѣкъ, а не начальство, требующее рапорта; какъ такой же человѣкъ, какъ и вы, который далъ честное слово уважать довѣріе, оказанное ему. Онъ во всякомъ случаѣ заслуживаетъ уваженія. Непорядочно ликовать и показывать свое торжество. Это достойно только труса.

Глаза Готгарда наполнились слезами.

— Я смириенно прошу извиненія, — сказалъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, печальнымъ и въ высшей степени искреннимъ, дрожащимъ отъ избытка чувствъ. — Эта мысль меня мучитъ больше всего, — мысль, что я могъ бы оказаться трусомъ. Нѣсколько минутъ тому назадъ могло случиться, что отъ моего паденія порвутся веревки, которыми держалась сѣтка. Если бы это случилось, я бы сломалъ себѣ шею. Вы рискнули или по крайней мѣрѣ допустили рискнуть другихъ, чтобы удовлетворить любопытство ученаго. Вы хотѣли побѣдить меня. Вы были почти уверены, что веревки не лопнутъ. У меня было то же самое чувство. Но я все-таки упалъ, въ то время какъ вы все въ полной безопасности стояли наверху. Если бы у Франціи было хоть немного больше такихъ солдатъ, какъ я, то было бы меньше данныхъ называть настѣнѣ слабой націей. Я освободилъ себя отъ службы не потому, что я трусъ или не патріотъ, но потому, что вѣрю, что вынужденная работа никогда не дѣлается съ пользой. Если націи когда-нибудь понадобится моя жизнь, я отзовусь. Но пока она нуждается въ томъ, что я называю моимъ правомъ на свободу, я буду защищать его, рискуя жизнью.

Докторъ не отвѣтилъ.

Молчаніе. Оба смотрѣли другъ другу въ глаза. Каждому хотѣлось открыть другъ другу душу.

Каждый принесъ въ жертву личное честолюбіе, личное счастье для служенія чему-то и кому-то неизвѣстному. Но та же самая мысль останавливалась ихъ: „что было бы благомъ?“

Готгардъ повернулся и направился къ двери. Докторъ перебиралъ инструменты.

Кто правъ? Ни одинъ не зналъ, не хотѣлъ вдаваться слишкомъ глубоко. Они разстались, потому что великий секретъ имъ предстояло узнать изъ самой жизни.

Подводное плаваніе.

Очеркъ и 10 иллюстрацій А. Д. Далматова.

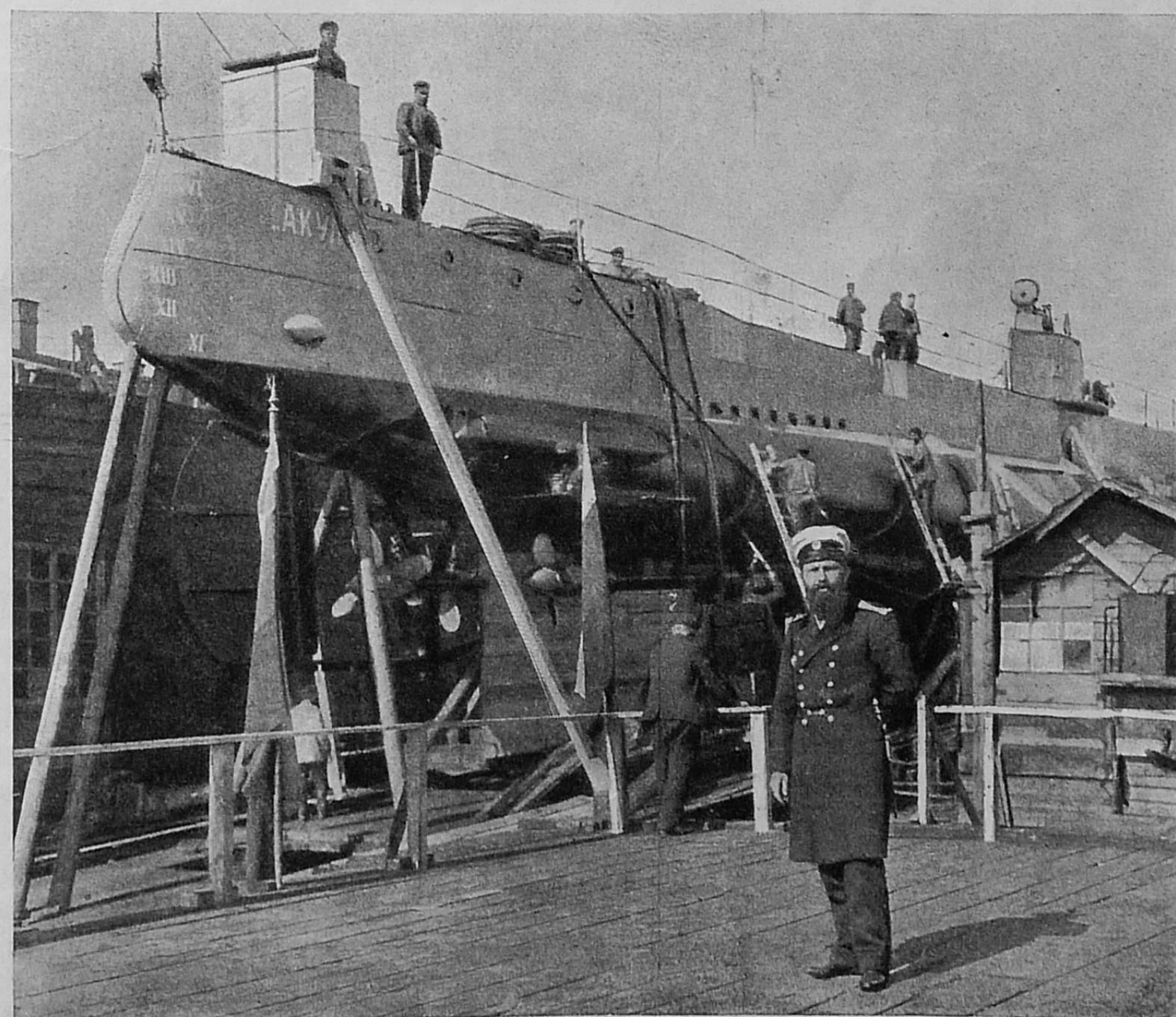
(Окончаніе).

Наиболѣе совершеннымъ типомъ подводной лодки въ настоящее время является наша „Акула“, построенная талантливымъ корабельнымъ инженеромъ И. Г. Бубновымъ. Типъ „Акулы“ можетъ выходить въ плаваніе совершенно самостоятельно, безъ сопровожденія большихъ судовъ или такъ называемыхъ „матокъ“ подводныхъ лодокъ. Эти лодки снабжены нѣсколькими двигателями Дизеля, а потому районъ ихъ плаванія значителенъ. Погруженіе производится въ 3—4 минуты. Глубину 150 ф. онъ выдерживаетъ свободно, такъ какъ разсчитаны на давленіе на 300 ф. глубины. Два перископа обеспечиваютъ на случай порчи одного, такъ сказать, „зрѣчество“. Станція безпроволочного телеграфа даетъ возможность связи со своими кораблями, а на случай аваріи, если бы лодка затонула, отъ нея отдѣляется буксъ (поплавокъ) съ весьма длиннымъ телефоннымъ проводомъ. Въ буйкѣ имѣется слуховая трубка, такъ что связь затонувшей лодки съ вѣшнимъ міромъ не преры-

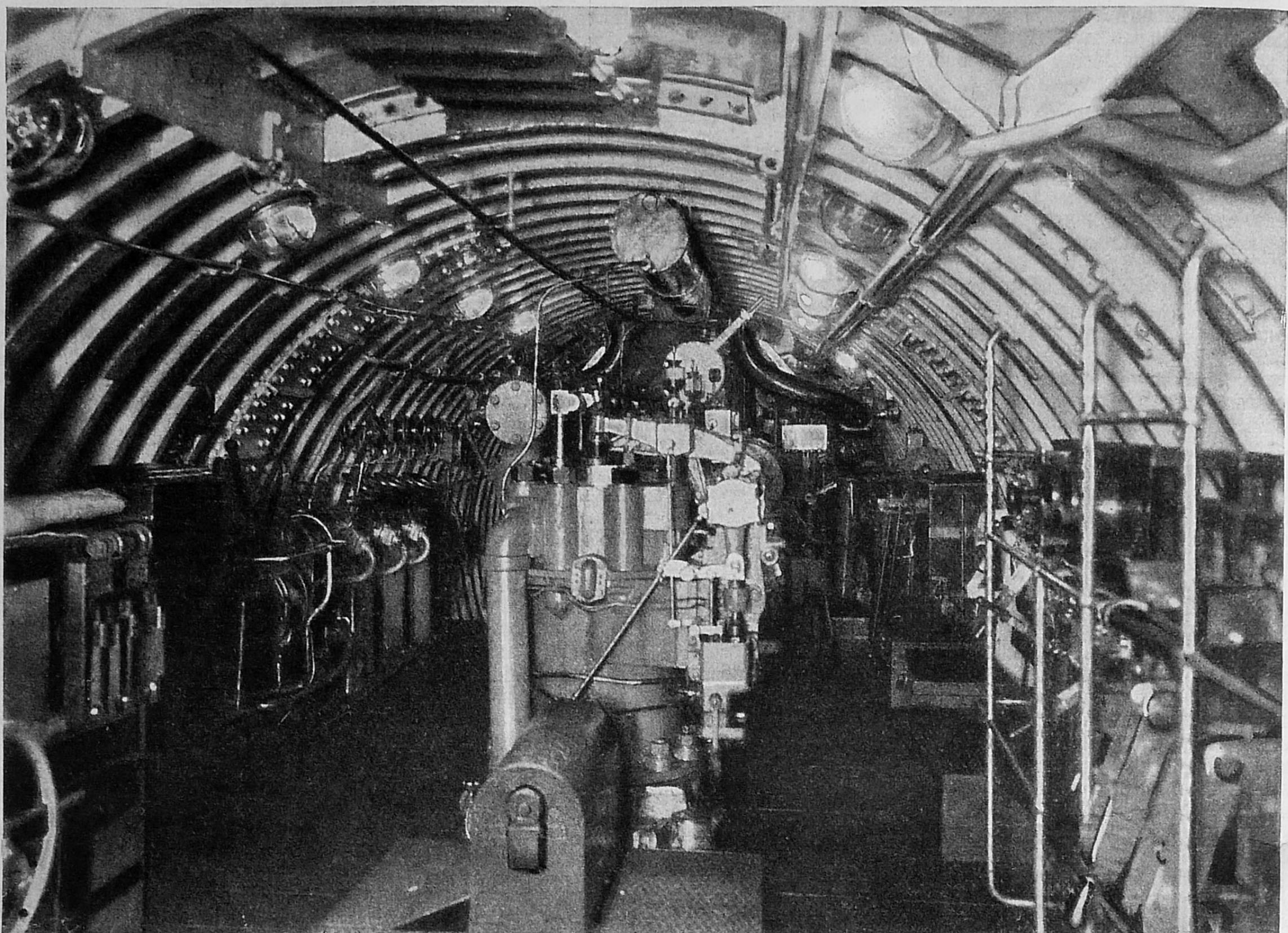
вается, если только лодка не попала на такую глубину, где давленіе воды превысило сопротивляемость стѣнокъ корпуса, или если лодка не погибла сразу вмѣстѣ со всѣмъ экипажемъ.

Боевые дѣйствія подводныхъ лодокъ заключаются исключительно только въ минной атакѣ. Лодки несутъ въ себѣ отъ 3 до 12 минъ Уайтхеда. Желая атаковать непріятельскій корабль,

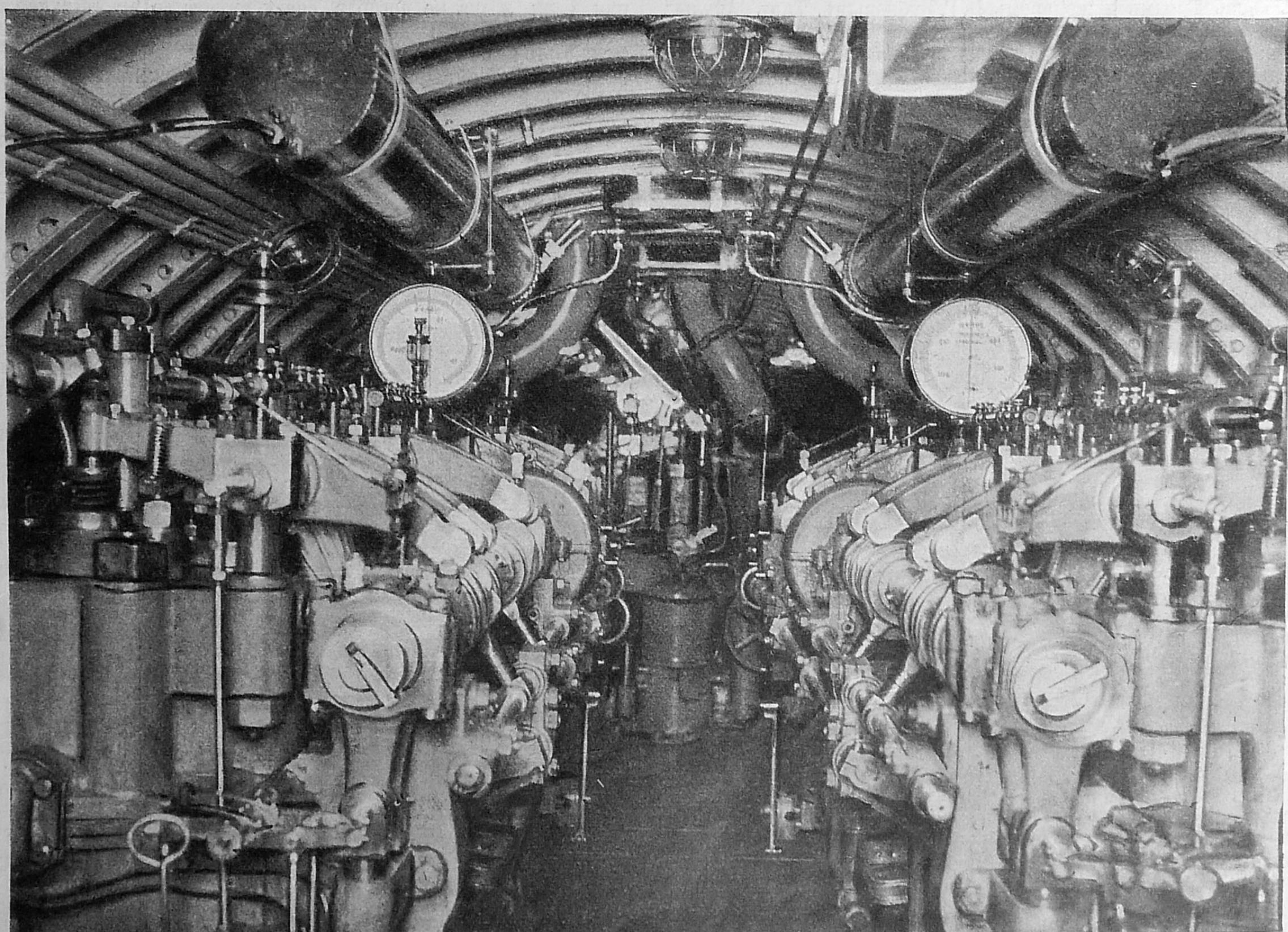
подводная лодка приближается къ нему сначала въ надводномъ положеніи (засесть, конечно, отъ разстоянія, которое ее отдѣляетъ), затѣмъ переходитъ въ боевое, а затѣмъ въ подводное, плывя по перископу, а затѣмъ скрывается совершенно подъ воду и идетъ по компасу, и только передъ самымъ выпускомъ мины она снова на нѣсколько секундъ поднимаетъ перископъ для окончательной оценки условій, послѣ чего непосредственно следуетъ выстрѣлъ миною изъ носового или бортового аппарата. Послѣ первого выстрѣла лодкѣ следуетъ повернуть и сдѣлать еще одинъ выстрѣлъ изъ кормового аппарата, а затѣмъ

Постройка „Акулы“ и ея конструкторъ — корабельный инженеръ И. Г. Бубновъ.

Внутренность подводной лодки. Машинное отделение.

Внутренность подводной лодки. Машинное отделение, двигатель Дизеля.

взять большую глубину и стараться или скрыться, или же оставаться больше или меньше продолжительное время на одномъ мѣстѣ на глубинѣ 60—70 фут., гдѣ она можетъ чувствовать себя въ полной безопасности отъ непріятельскихъ снарядовъ и судовъ, которые будутъ плавать надъ нею.

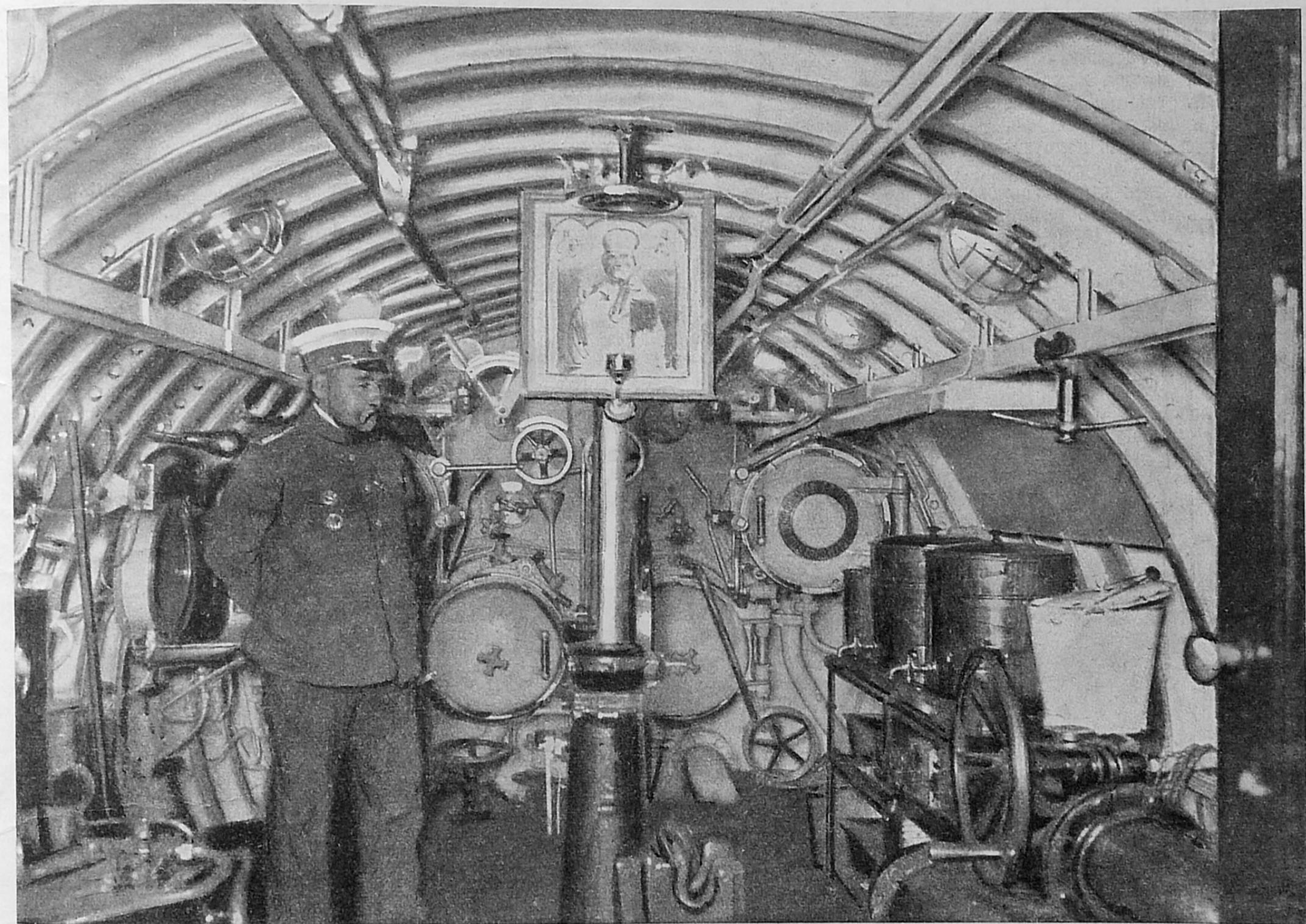
Моральное дѣйствие выстрѣла миной съ подводной лодки, конечно, потрясающее. Это хорошо и ярко опредѣлилось при гибели нашего "Петропавловска" и аварии "Побѣды". Послѣдняя, получивъ неожиданно подводную пробоину и предполагая, что она атакована японскими подводными лодками, около получаса отстрѣливалась въ воду мелкой артиллерией.

Еще болѣе яркій примѣръ—дѣйствія японского флота въ по-слѣднюю войну, когда ихъ огромный броненосецъ "Хацусе" на-ткнулся на мину, поставленную нашимъ "Амуромъ".

Всѣ японскія суда, сопровождавшія "Хацусе", какъ по командѣ, открыли бѣшеный огонь со всѣхъ бортовъ въ воду, продолжавшійся въ теченіе 45 минутъ. И все это только потому, что явилось подозрѣніе, что они могли быть атакованы русскими подводными лодками, которыхъ, къ сожалѣнію, фактически въ Портъ-Артурѣ не было. Нѣсколько подводныхъ лодокъ у насъ было во-

Не лишнимъ будетъ добавить, что даже на небольшой глубинѣ въ иллюминаторы подводной лодки (окна) ничего не видно, кроме общаго зеленоватаго свѣта, который уже на глубинѣ 50—60 футовъ становится почти совершенно незамѣтнымъ. Тѣ, которые думаютъ, что "лодка" видѣть что-нибудь подъ водой, конечно, ошибаются.

Постройка подводной лодки обходится значительно дороже миноносца. Такъ, "Акула" стоила 1.100.000 рублей. Какъ авиація, такъ и подводное плаваніе доступны не каждому, а для этого надо имѣть, такъ сказать, даръ свыше. Чѣмъ касается нашихъ подводниковъ, то въ ихъ рядахъ столько энергичныхъ, смѣлыхъ и глубоко-преданныхъ своему дѣлу работниковъ, что отечество можетъ быть спокойно, что въ этой отрасли морского дѣла мы не только не отстали отъ нашихъ западныхъ союзей, но въ техническомъ отношеніи даже ушли впередъ. Само собой разумѣется, что полагаться на оборону одними только подводными лодками и легкими судами довольно рискованно. Вѣдь въ силу того, что при движеніи подъ водой лодка ничего не видѣть (въ водѣ), совмѣстные дѣйствія подводныхъ лодокъ почти немыслимы, такъ какъ они легко могутъ наскочить одна на другую. Если наконецъ и допустить, что нѣсколько лодокъ будутъ дѣйствовать одновременно,

Внутренность носовой части подводной лодки. Направо—электрическая кухня.

Владивостокѣ, присутствіе которыхъ несомнѣнно и удерживало японцевъ отъ болѣе энергичнаго блокированія этой крѣпости.

Управление подводными лодками требуетъ полнаго хладнокровія какъ отъ команда, такъ и отъ всей команды. Все управление и стрѣльба сосредоточены въ однѣхъ рукахъ—командира. Внутренность современной подводной лодки, это—море машинъ и всевозможныхъ приборовъ. Тамъ использованъ буквально каждый дюймъ. Каюты для офицеровъ—кануруки, гдѣ высокому человѣку нельзя ни стоять ни лечь.

Само собой разумѣется, что подъ водой соблюдаются страшная дисциплина и вниманіе, ибо малѣйшая ошибка влечетъ за собою гибель всей команды.

Самое опасное для подводной лодки—наткнуться на мину загражденія. Здѣсь о спасеніи не можетъ быть и рѣчи. Въ современной войнѣ подводнымъ лодкамъ придется считаться еще съ однимъ врагомъ—аэропланами и дирижаблями, которымъ сверху довольно хорошо видно вглубь морскихъ водъ. Такъ сказать, активная борьба подводного флота съ воздушнымъ почти немыслима, такъ какъ до сихъ поръ подводные лодки, кроме минъ Уайтхеда, никакого оружія не имѣютъ. Чѣмъ касается быстроты передвиженія, то максимальная скорость, съ которой подводные лодки могутъ двигаться, это: 16 узловъ въ подводномъ положеніи и 10—11 узловъ въ подводномъ *).

* Морская миля=1³/₄ версты. Число узловъ въ часъ равно числу миль въ часъ.

то надо строго разграничить районъ плаванія каждой или же дать очень большой районъ дѣйствій.

Въ настоящее время русскій флотъ обладаетъ слѣдующими подводными лодками:

Балтийский:

Макрель	150 тоннъ.	Кайманъ	450 тоннъ.
Окунь	150 "	Крокодилъ	450 "
Пескарь	115 "	Алигаторъ	450 "
Стерлядь	115 "	Бѣлага	126 "
Минога	126 "		и еще нѣсколько строятся.

Черноморскій:

Лосось	120 тоннъ.	Строится: Кашалотъ.
Судакъ	120 "	Моржъ.
Карпъ	200 "	Китъ.
Карась	200 "	Нарвалъ.

Строится: Кашалотъ.

Моржъ.

Китъ.

Нарвалъ.

Нерпа.

Тюленъ.

Тихоокеанскій:

Дельфинъ	115 тоннъ.	Щука	120 тоннъ.
Касатка	115 "	Осетръ	135 "
Фельдмаршаль гр.		Бычокъ	135 "
Шереметевъ	150 "	Кефаль	135 "
Скатъ	150 "	Плотва	135 "
Налимъ	150 "	Палтусъ	135 "
Сомъ	120 "		

Мухи — распространители заразныхъ болѣзней.

(Съ 4 рис. на этой стр.)

Домашнія мухи играютъ важную роль въ распространеніи заразныхъ болѣзней. Микроскопическіе возбудители болѣзней — бактеріи легко могутъ удерживаться и приставать къ лапкамъ мухи, къ ея хоботку. Неудивительно, если повсюду летающія и охотно садящіяся на всевозможныя гніющиа вещества домашнія мухи часто могутъ соприкасаться съ болѣзнетворными бактеріями. Чрезвычайная подвижность мухъ вполнѣ обезпечиваетъ возможность постоянного переноса микробовъ такимъ путемъ, въ особенности, если принять во вниманіе, что въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ, на корабляхъ, въ трамваяхъ мухи могутъ переноситься на очень далекія расстоянія. Такая роль мухъ въ распространеніи заразныхъ болѣзней установлена для многихъ изъ нихъ: для чумы, холеры и т. п. Такимъ образомъ безвредная, повидимому, муха оказывается въ этомъ отношеніи играющей важную роль и является такимъ же врагомъ человѣка, какъ и другія насѣкомыя, приносящія вредъ человѣку. Помѣщаемые рисунки даютъ возможность составить понятіе о видѣ мухи при увеличеніи, ясно пока-

самыхъ опасныхъ бактерій-микробовъ тифа, чахотки и холерныхъ вибріоновъ. Колебанія дѣтской смертности въ значительной степени зависятъ, по его мнѣнію, отъ количества мухъ, и какъ только исчезнутъ эти насѣкомыя, прекратятся въ значительной степени инфекціонныя заболѣванія. Врачамъ только тогда удалось спрavitъ съ эпидеміей тифа среди американскихъ войскъ на Филиппинскихъ островахъ, когда были почти до одной уничтожены все мухи въ солдатскихъ помѣщеніяхъ. Но эта задача страшно трудная, и къ этой борьбѣ должно примкнуть общество — взрослые и дѣти. Чтобы доказать, сколько „будущихъ мухъ“ убиваетъ каждый, уничтожающій одну личинку, докторъ Говардъ приводитъ любопытныя цифры чудовищной размножаемости этихъ всеядныхъ насѣкомыхъ. Одна муха-самка, пережившая зиму, положить въ началѣ весны (докторъ Говардъ считаетъ 15 апрѣля) 120 яичекъ. Это — наименьшая цифра, т.-е. такое количество, которое неминуемо будетъ развиваться, а не погибать. Изъ этихъ 120 новыхъ мухъ естественно предположить 60 самокъ. Каждая изъ нихъ, въ свою очередь, положить по 120 яичекъ, и такимъ образомъ къ серединѣ мая потомство выразится въ цифре 7.200 мухъ. Изъ нихъ, очевидно, половина — самки, которые будутъ содѣйствовать размноженію первой мухи

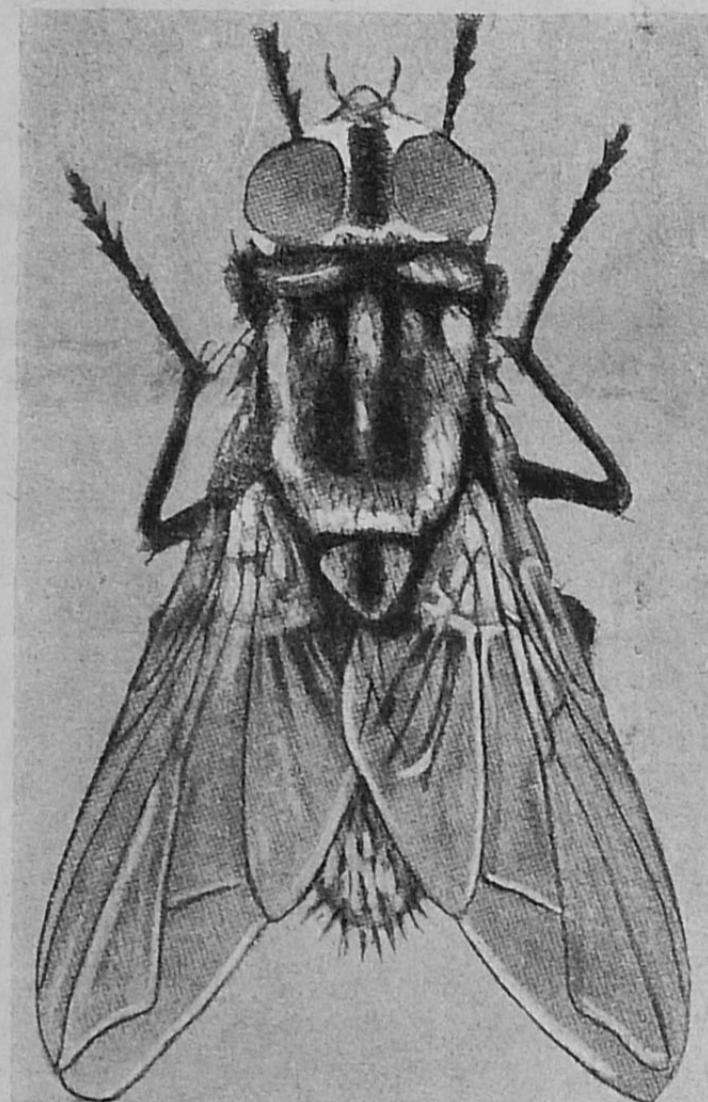

Рис. 1. Домашняя муха, — видъ сверху при увеличеніи.

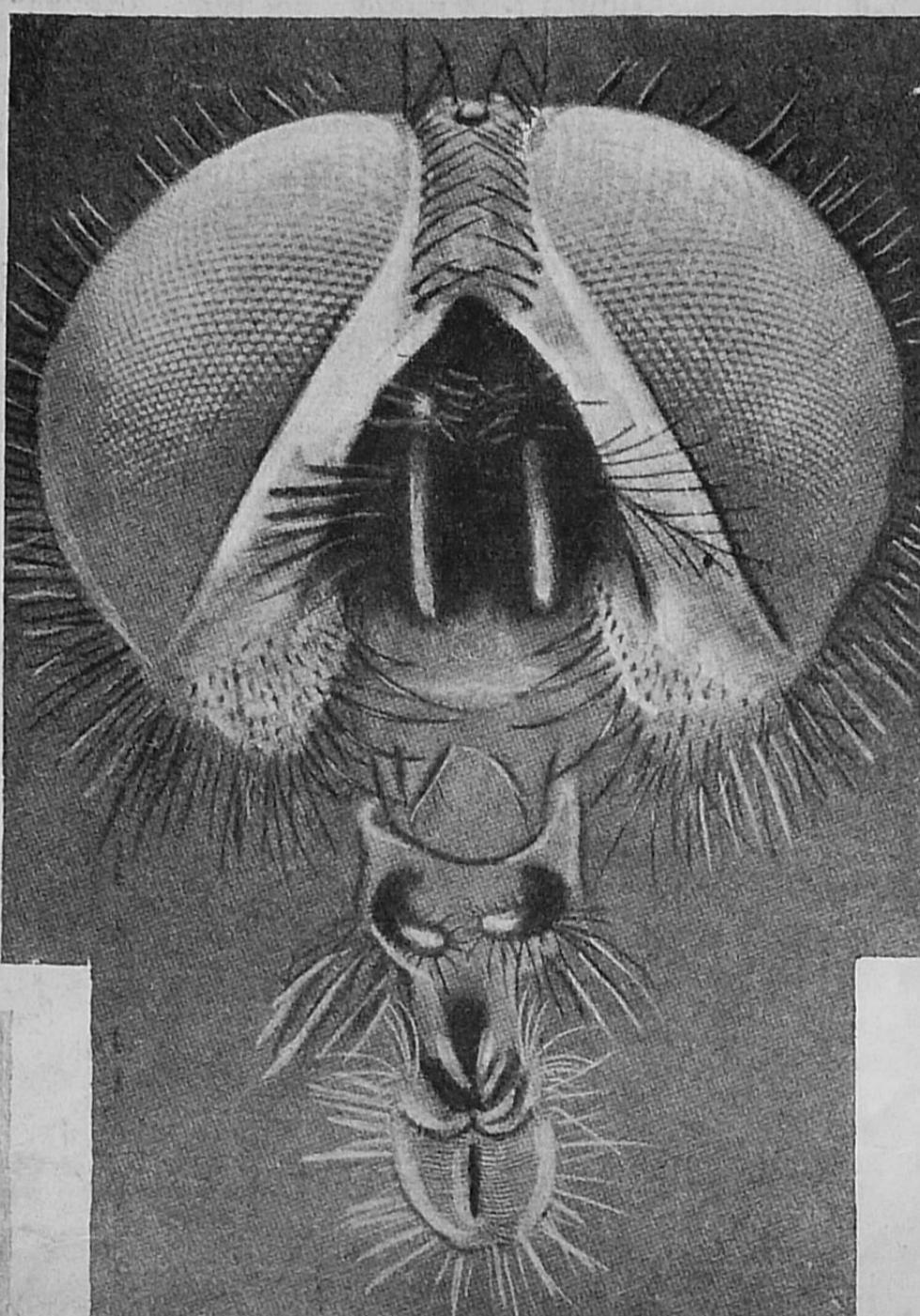

Рис. 3. Глаза мухи при сильномъ увеличеніи.

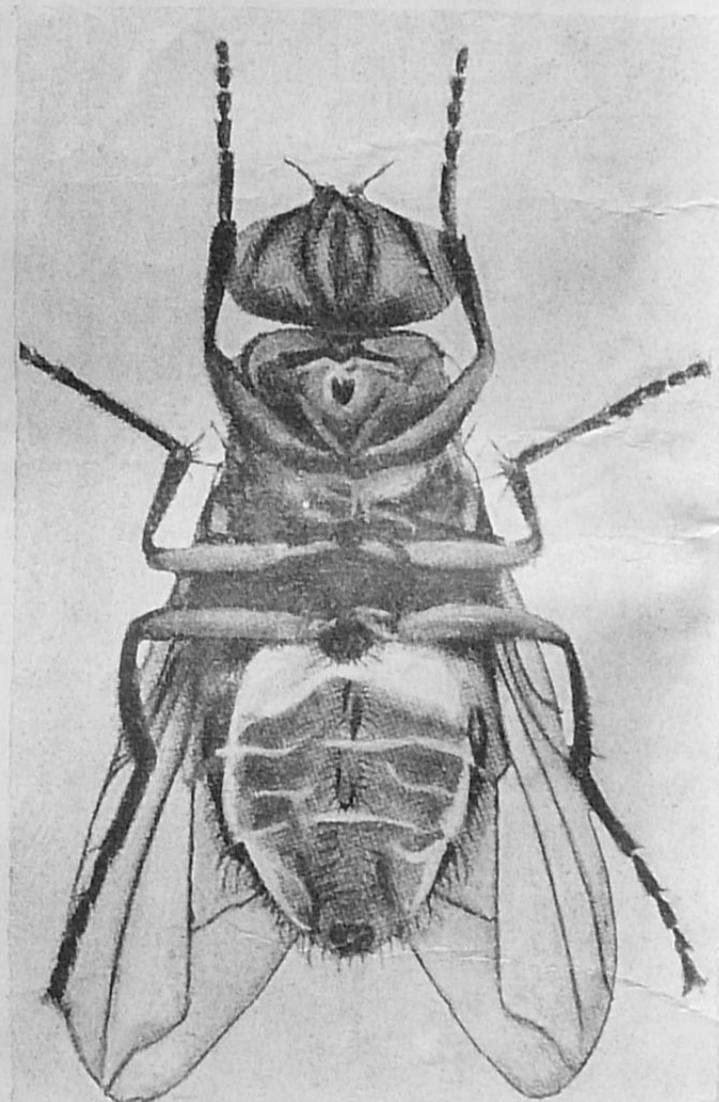

Рис. 2. Домашняя муха, — видъ снизу при увеличеніи.

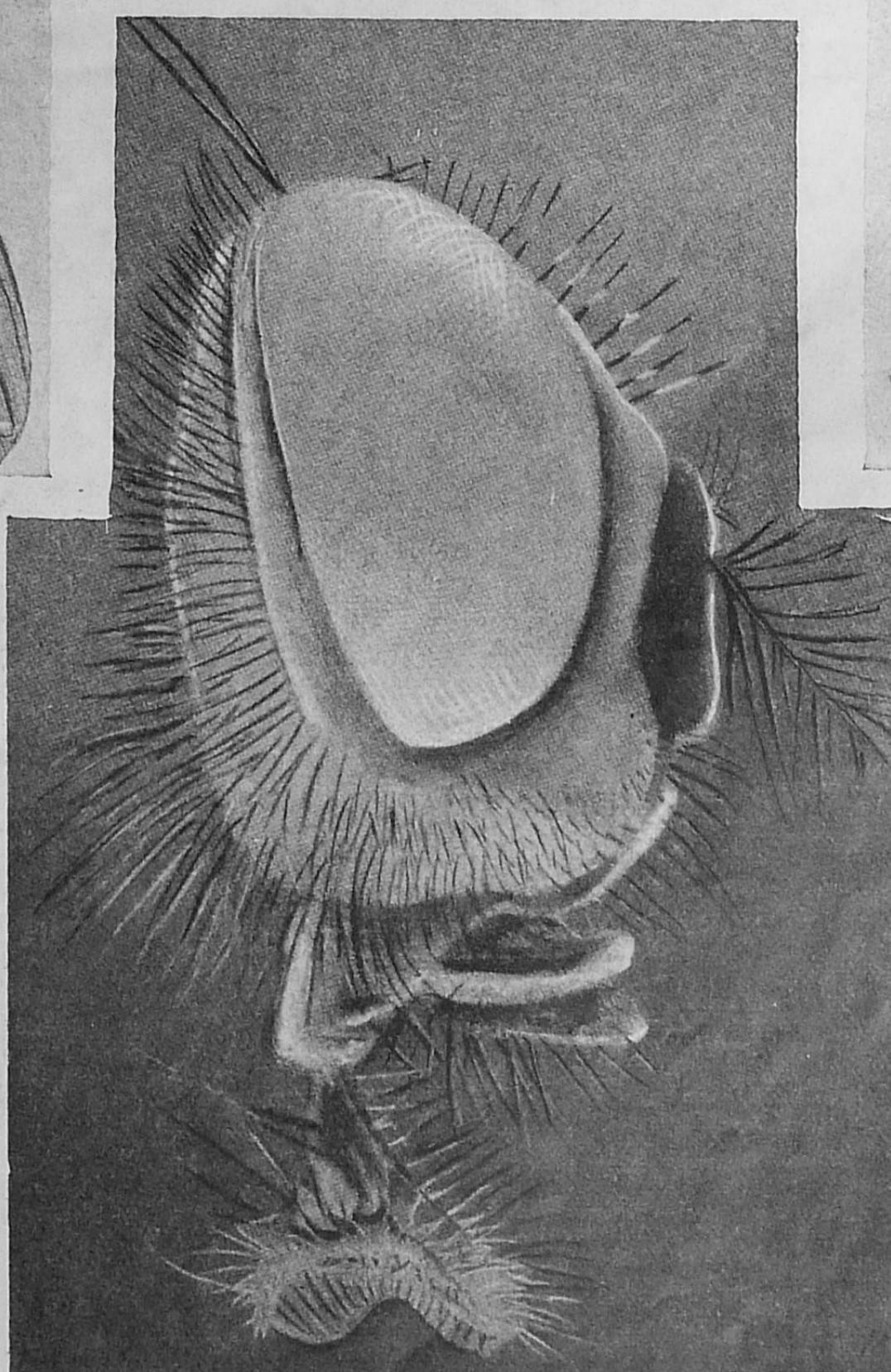

Рис. 4. Глазъ мухи, — видъ сбоку при сильномъ увеличеніи.

зывающемъ массу волосковъ и крючечковъ, на которыхъ легко могутъ удерживаться массы микроскопическихъ возбудителей болѣзней. Сказанного достаточно, чтобы считать истребленіе мухъ въ широкихъ размѣрахъ необходимой мѣрой, предупреждающей распространеніе заразныхъ болѣзней, въ особенности въ періоды возникновенія эпидемій.

Въ настоящее время въ Англіи предпринято уничтожить комнатныхъ мухъ во что бы то ни стало. Послѣднія изслѣдованія врачей доказали, что эти насѣкомыя гораздо опаснѣе для людей, чѣмъ самые хищные звѣри. Отъ заразы, приносимой мухами, погибаютъ больше людей, чѣмъ отъ нападеній волковъ, тигровъ и змѣиныхъ укусовъ. Докторъ Говардъ издалъ недавно интересную брошюру, въ которой доказываетъ, что комнатная муха является распространителемъ

въ той же прогрессіи. Къ 10 сентябрю получится 5.598.720.000.000 мухъ. Эти пять съ половиной тысячи миллиардовъ мухъ, расплодившихся за сезонъ изъ одной мухи, указываютъ на необходимость бороться съ ними; но истребить эту несметную массу мухъ немыслимо, такъ какъ никакія бумаги, мухоловки и т. п. не достигаютъ цѣли. Единственное средство истребить муху, это — своевременно уничтожить самыя яички. Къ этому и сводится теперь борьба съ мухой, предпринятая въ Англіи. Тамъ мухъ выводятъ, какъ у насъ клоповъ. Появились специалисты, которые находятъ самые очаги размноженія — гнѣзда яичекъ — и убиваютъ зародышы особымъ химическімъ составомъ. Прекраснымъ средствомъ для этого являются керосинъ и мазутъ. Нѣсколько лѣтъ такой борьбы — и муха будетъ истреблена.

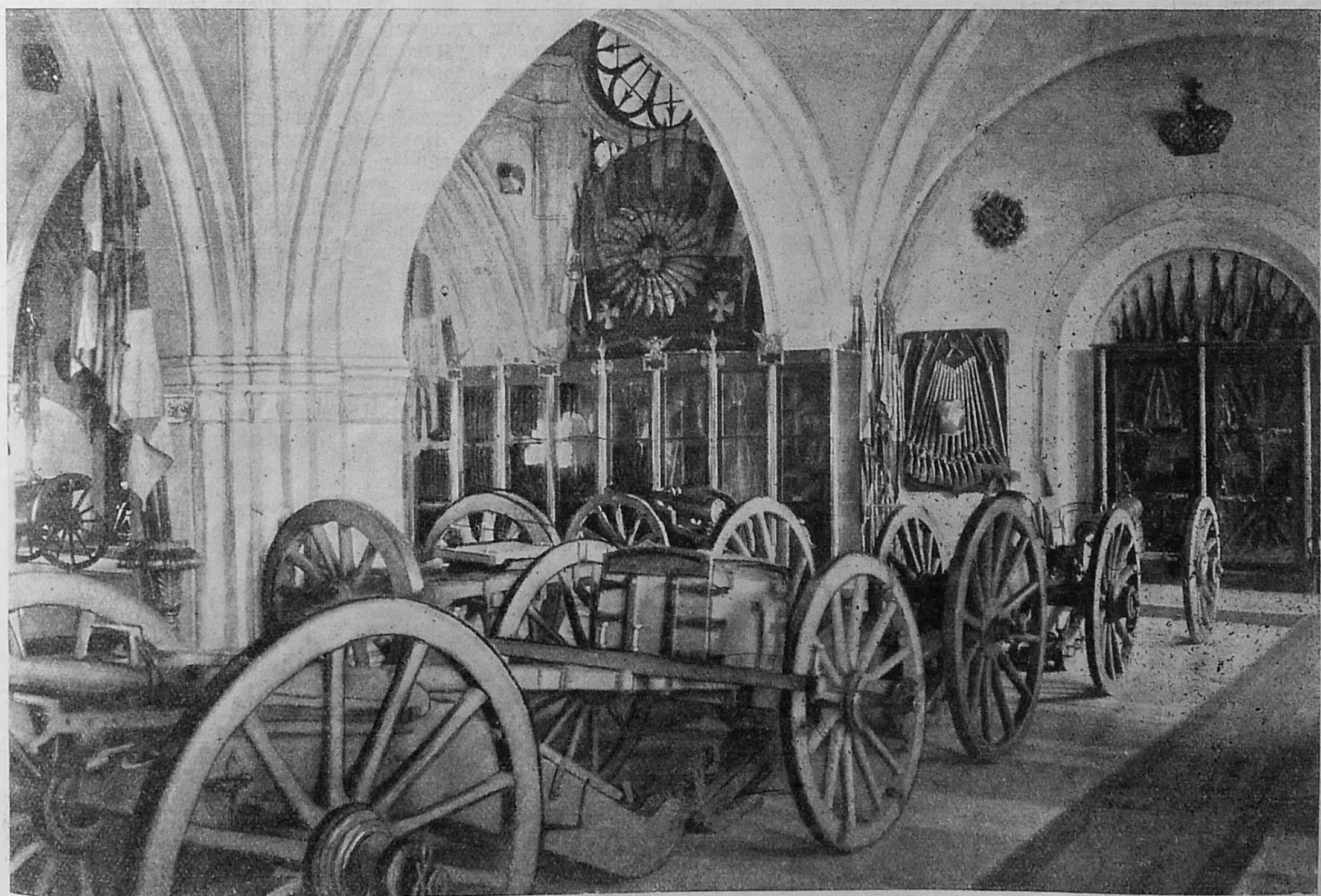
Артиллерийский исторический музей.

(Съ 2 рис. на этой стр.).

Артиллерийский исторический музей въ Петербургѣ обогатился новымъ интереснымъ отдѣломъ, открытымъ 18 июня с. г. Музей этотъ существуетъ болѣе двухъсотъ лѣтъ и былъ основанъ Петромъ Великимъ. За истекшіе два вѣка собраніе памятниковъ военной старины, хранящееся въ музѣѣ, достигло колоссальной цифры — 70.000. До половины XVIII вѣка музей, именовавшійся въ тѣ дни „Достопамятнымъ заломъ“, находился въ Москвѣ, по переводѣ же въ Петербургъ былъ сначала размѣщенъ въ зданіи, подаренномъ артиллеріи ея генераль-фельдцейхмейстеромъ княземъ Орловымъ (гдѣ нынѣ Окружный Судъ), а съ 1869 года — въ нынѣшнемъ помѣщеніи зданія кронверка с.-петербургской крѣпости. Ограниченность помѣщенія кронверка принудила оставить значительную часть коллекцій музея въ его стѣнѣ, въ кладовыхъ и на дворѣ, и только въ настоящее время удалось большую часть этого исторического имущества предоставить для общаго обозрѣнія и научнаго изученія въ новомъ, просторномъ помѣщеніи. Въ немъ расположены выбранныя изъ запасного имущества въ кладовыхъ орудія и оружіе XVII—XIX столѣтій какъ русскихъ, такъ и иностраннѣхъ образцовъ, богатая коллекція древняго вооруженія, пожертвованная музею наследниками собирателя ея, С. В. Перлова, модели артиллерійской, матеріальной части, образцы лабораторнаго и артиллерійскаго техническаго цѣла, дальнемѣры и другіе измѣрительные артиллерійскіе инструменты и мн. др. Здѣсь же въ двухъ залахъ установлены для храненія сданныя войсковыми частями воинскія регалии: знамена, штандарты, серебряныя трубы отъ древнихъ временъ, съ начала регулярной арміи до послѣдніхъ дней. Кромѣ того, музей располагаетъ обширнымъ историческимъ архивомъ древнихъ актовъ и документовъ, специальнай библіотекой и археологическимъ отдѣломъ доисторическаго периода военнаго искусства.

Общий видъ нового отдѣла артиллерийского музея. Главный проходъ.

Орудія и оружіе XVII—XIX столѣтій русскихъ и иностраннѣхъ образцовъ, собранныя и размѣщенные въ новомъ отдѣлѣ артиллерийскаго музея въ зданіи кронверка с.-петербургской крѣпости. У задней стѣны направо въ шкапу — богатая коллекція древняго оружія.

У Спасо-Бородинского монастыря въ ожиданіи праха генерала Д. П. Невѣровскаго. Въ монастырскомъ храмѣ Спаса Нерукотвореннаго была отслужена панихида.

Перевезеніе праха генерала Д. П. Невѣровскаго.

(Съ 4 рис. на стр. 582 и 583)

8 іюля с. г. на Бородинскомъ полѣ состоялось торжественное погребеніе останковъ героя Отечественной войны генерала Д. П. Невѣровскаго. Въ 6 ч. утра на станцію Бородино прибылъ траурный вагонъ. Гробъ сопровождала депутація лейбъ-гвардіи Павловскаго полка и полковъ, входившихъ въ составъ бывшей въ 1812 г. 27-й пѣхотной дивизіи, которою командовалъ Невѣровскій: Одесскаго, нынѣ 48-го пѣхотнаго, Тарнопольскаго, нынѣ 56-го Житомирскаго, Виленскаго, нынѣ 52-го пѣхотнаго, Симбирскаго, нынѣ 24-го Симбирскаго. Этими полками командовалъ Невѣровскій въ бояхъ подъ Смоленскомъ и при Бородинѣ, стяжавшихъ ему безсмертную славу.

Въ депутацію вошли: лейбъ-гвардіи Павловскаго полка полковникъ баронъ П. А. Клодтъ и капитанъ Л. Н. Сапожниковъ, Одесскаго, нынѣ 48-го пѣхотнаго полка капитанъ Р. Г. Гассе и 24-го Симбирскаго пѣхотнаго

Депутаціи съ вѣнками впереди гроба съ прахомъ генерала Д. П. Невѣровскаго. Среди вѣнковъ — вѣнокъ отъ германскаго императора Вильгельма II.

полка штабсъ-капитанъ Р. Д. Валлеръ.

Эта депутація їздила въ Германію, въ г. Галле, где былъ погребенъ прахъ генерала Невѣровскаго, и присутствовала при вскрытии могилы героя. Жители и власти г. Галле свято хранили могилу Невѣровскаго, павшаго при защите ихъ родного города. Депутація отъ полковъ участвовала въ перенесеніи праха, совершившемся при весьма торжественной обстановкѣ. Въ Галле, кромѣ войскъ мѣстнаго гарнизона, въ проводахъ участвовали 8-я дивизія изъ города Торгау, одинъ батальонъ изъ Бернбурга и 15.000 горожанъ, съ членами городского самоуправленія во главѣ.

При слѣдованіи отъ Галле до русской границы и потомъ черезъ Россію останкамъ были оказаны повсюду торжественные почести. Особенно торжественна встрѣча и проводы были оказаны въ Смоленскѣ, Минскѣ и Вязьмѣ.

На гробъ были возложены вѣнки императора Вильгельма, города и гарнизона Галле, города Борисова, л.-гв. Павловскаго, Таврическаго гренадерскаго полковъ и др.

Къ моменту прибытія праха на вокзалъ собрались: командующій войсками Московскаго округа генералъ-отъ-кавалеріи П. А. Плеве, предсѣдатель кружка ревнителей памяти Отечественной войны генералъ-отъ-инфanterіи Яковлевъ, командиръ 17-го корпуса, московскій губернаторъ, губерн-

скій предводитель дворянства, потомокъ Невѣровскаго, князь Багратіонъ, чины штаба войскъ округа.

Въ 8 ч. 30 мин. утра на дворѣ станціи выстроились почетный караулъ, 4 орудія запаснаго Конно-артиллерійскаго дивизіона, депутаціи съ вѣнками.

У траурнаго вагона была совершена литія, затѣмъ гробъ подняли на руки генералы, во главѣ съ командующимъ войсками П. А. Плеве, и установили гробъ на лафетъ.

По обѣимъ сторонамъ лафета шла депутація л.-гв. Павловскаго полка и полковъ бывшей 27-й дивизіи. Вели осѣдланнаго коня въ траурѣ.

На гробъ были возложены вѣнки кружка ревнителей памяти Отечественной войны, московскаго отдѣла Военно-историческаго общества, городскаго управлениія, князьемъ Багратіономъ возложены вѣнки отъ полтавскаго дворянства, полтавской губернской управы и лично отъ себя.

На станции „Бородино“. Вынос гроба съ прахомъ ген. Д. П. Невѣровскаго изъ траурнаго вагона.

Подъ звуки „Коль славенъ“ и пѣнье хора монахинь Спасо-Бородинского монастыря, прибывшихъ къ станціи Бородино, траурное шествіе направилось къ монастырю.

Далеко растянулась процессія по Бородинскому полю, на которомъ каждая пядь земли обагрена родною кровью и напоминаетъ о былыхъ геройскихъ подвигахъ. Мелькнулъ вдали Шевардинскій редутъ, первый подъ доблестной защитой Невѣровскаго принялъ на себя за день до Бородина натискъ французовъ, затѣмъ показался вправо силуэтъ Бородинскаго памятника, возывающагося на Раевскомъ курганѣ. Нѣжные звуки монастырскаго колокола, плывшіе навстрѣчу праху героя изъ-за стѣнъ монастыря, воздвигнутаго на мѣстахъ тѣхъ редутовъ, гдѣ геройски бились въ Бородинскомъ сраженіи славные полки 27-й дивизіи подъ командой генерала Невѣровскаго, какъ бы призывали его къ мѣсту вѣчнаго упокоенія въ родной землѣ.

По прибытии въ монастырь, войска выстроились у ограды. Гробъ былъ внесенъ въ церковь, гдѣ была совершена панихида, затѣмъ процессія отправилась въ лѣвую Багратіоновскую флеши, гдѣ приготовленъ былъ склепъ, въ который, послѣ краткой литіи, и были опущены останки героя.

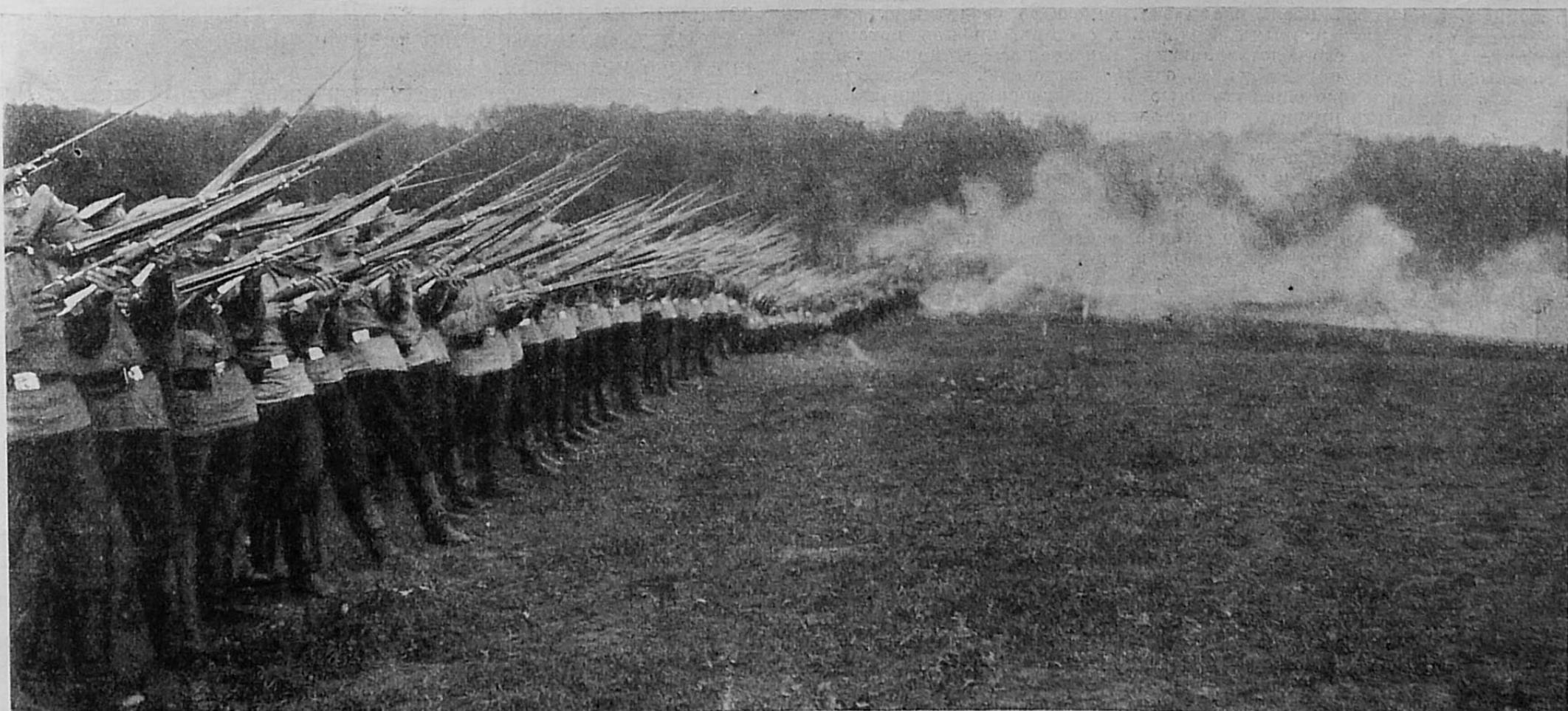
Надъ склепомъ былъ поставленъ Георгіевский штандартъ, а подъ нимъ изъ цветовъ и зелени была сооружена арка, спускавшаяся къ склепу.

За возглашеніемъ „Вѣчной памяти“ послѣдовалъ троекратный залпъ изъ ружей и орудій, послѣ чего передъ

фронтомъ полковникъ В. А. Афанасьевъ произнесъ рѣчь, въ которой ярко обрисовалъ личность, подвиги и заслуги генерала Невѣровскаго.

Могила генерала Д. П. Невѣровскаго на Семеновской или Багратіоновой флеши Бородинскаго поля.

Погребеніе праха генерала Д. П. Невѣровскаго на Бородинскомъ полѣ. Отданіе воинскихъ почестей. По фот. А. Савельева.

Одобренный Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою и Высочайше утвержденный законъ о расширѣніи правъ наслѣдованія по закону лицъ женскаго пола и права завѣщанія родовыхъ имѣній.

I. Статью 1003, пункты 7 и 9 статьи 1005, статьи 1126, 1127, 1128, 1130 съ примѣчаніемъ къ ней, 1133, 1135, 1137, 1139, 1140, 1148 и 1148¹, заголовокъ приложения къ примѣчанію къ статьѣ 1130 и статьи 1 и 5 означенаго приложения Законовъ Гражданскихъ (Св. Зак., т. X ч. 1, изд. 1900 г.) изложить слѣдующимъ образомъ:

1003. Если нѣтъ письменнаго доказательства, что дочь, при жизни родителей, получивъ приданое, отреклась отъ участія въ наслѣдовствѣ, то она не лишается права на сіе участіе при раздѣлѣ оставшагося послѣ нихъ имущества, изъ коего ейъ въ такомъ случаѣ слѣдуетъ выдавать причитающуюся ейъ часть съ зачетомъ приданаго, какъ денегъ, такъ и всякаго другого имущества.

1005, пунктъ 7. Дочь, получившая приданое при жизни отца, почитается отдѣленною въ отцовскомъ имѣніи.

1005, пунктъ 9. Отецъ, отдавая своихъ дочерей въ замужество, можетъ принять къ обезспеченію назначаемаго имѣнія приданаго всякия по своему благоусмотрѣнію мѣры; но если девица выдается въ замужество опекунами, то приданое должно быть ими обезспечено посредствомъ особой о томъ записи.

1126. Лица женскаго пола пользуются правомъ представленія такъ же, какъ и лица пола мужскаго, съ соблюденіемъ въ каждомъ поколѣніи для нисходящихъ равныхъ степеней постановленій статьи 1128 и примѣчанія къ ней, а въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской также и статей 1133 и 1139.

1127. Ближайшее право наслѣдованія послѣ отца или матери принадлежитъ законнымъ ихъ дѣтьмъ мужскаго и женскаго пола, за смертью же ихъ заступаютъ ихъ мѣсто по праву представленія, внуки обоего пола, а когда и сихъ въ живыхъ не находятся, то правнуки обоего пола и такъ далѣе.

1128. Дѣти, какъ мужскаго, такъ и женскаго пола, за выдѣломъ указанной части оставшемуся въ живыхъ супругу, дѣлятъ наслѣдство между собою по равнымъ частямъ поголовно; внуки и правнуки обоего пола дѣлятъ по праву представленія поколѣнію.

При наслѣдованіи въ земельномъ (виѣгородскомъ) имуществѣ, какъ родовомъ, такъ и благопріобрѣтенномъ, каждая дочь при сыне, т.-е. сестра при братѣ, получаетъ изъ сего имущества седьмую часть. Если, при дѣленіи сего послѣдняго имущества, сыновья части оказались бы менѣе дочернихъ, то, по выдѣлу оставшемуся во вдовствѣ супругу указанной части, остальное имущество распредѣляется между сыновьями и дочерьми поровну.

При отсутствіи сыновей и нисходящихъ отъ нихъ, дочери и ихъ нисходящие дѣлятъ земельное (виѣгородское) имущество по правиламъ, изложеннымъ въ первой части настоящей статьи.

Примѣчаніе. Сельско-хозяйственный инвентарь переходитъ по наслѣдовству на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и имѣніе, къ кому онъ принадлежитъ.

1130. Въ губерніяхъ и уѣздахъ Закавказья, образовавшихся въ предѣлахъ бывшихъ Грузіи, Имеретіи и Гуріи, принадлежащіе къ христіанскому исповѣданію браты и ихъ потомки имѣютъ право слѣдующую сестрѣ изъ недвижимаго имѣнія часть оставить за собою, удовлетворивъ ее деньгами по правиламъ, при семъ приложеніи.

1133. Въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской, при примѣненіи правилъ, изложенныхъ въ статьяхъ 1127—1129, соблюдаются нижеслѣдующія постановленія: 1) всѣкое имущество, оставшееся послѣ матери родовое и благопріобрѣтенное, движимое и недвижимое, земельное (виѣгородское) или иное, дѣлится ея, какъ сыновья, такъ и дочери, незамужнія и замужнія, дѣлять между собою по равнымъ частямъ поголовно; внуки же и правнуки, по праву представленія, поколѣнію, и 2) когда сынъ или дочь получили отъ матери при ея жизни часть собственнаго ея имущества, первый посредствомъ выдѣла, а послѣднія въ приданое, то при открытии послѣ нея наслѣдовства, они отъ участія въ ономъ устремляются, но чрезъ сіе однакоже не лишаются права въ такомъ наслѣдовствѣ, которое могло бы дойти къ нимъ послѣ смерти матери по праву представленія.

1135. При наслѣдованіи братьевъ и сестеръ во всѣхъ боковыхъ линіяхъ и во всѣхъ степеняхъ каждой линіи соблюдаются постановленія статьи 1128 и примѣчанія къ ней.

1137. Посему ближайшее право къ наслѣдовству въ боковыхъ линіяхъ имѣютъ: браты и сестры, какъ незамужнія, такъ и замужнія и ихъ нисходящие; въ недостаткѣ же оныхъ наслѣдуютъ родные дяди и тетки, съ ихъ нисходящими, и такъ далѣе.

1139. Въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской, когда умершій оставилъ послѣ себя имѣніе, доставшееся ему отъ матери, то таковое наслѣдство дѣлять между собою по равнымъ частямъ всѣ родные браты и сестры; когда же не будетъ ни родныхъ братьевъ, ни сестеръ, ниже ихъ нисходящихъ, то наслѣдуютъ, также по равнымъ частямъ, родные по матери дяди и тетки, съ ихъ нисходящими, и такъ далѣе, сообразно съ правилами, въ статьяхъ 1136 и 1137 установленными.

1140. Братья и сестры единогубровные, въ наслѣдовствѣ благопріобрѣтенаго имущества послѣ владѣльца, умершаго бездѣтнымъ и безъ завѣщанія и не имѣвшаго родныхъ братьевъ и сестеръ, ни ихъ потомства, предпочитаются прочимъ его родственникамъ. Таковое наслѣдство поступаетъ къ нимъ въ одинаковомъ порядкѣ, какъ отъ пріобрѣтателей мужскаго пола, такъ и женскаго, и поелико единогубровные и единогубровные признаются въ случаѣ въ равныхъ правахъ на наслѣдовство, то тамъ, где есть наслѣдники тѣ и другіе, имѣніе дѣлится между ними на законномъ основаніи, какъ бы между родными братями и сестрами.

Примѣчаніе къ сей (1140) статьѣ, въ Сводѣ, остается въ силѣ.

1148. Законная жена послѣ мужа, какъ при живыхъ дѣтяхъ, такъ и безъ оныхъ, получаетъ изъ недвижимаго имѣнія седьмую часть, а изъ движимаго четверту. Право сіе не ограничивается однако властельцевъ въ свободномъ распоряженіи благопріобрѣтеными имѣніями и въ завѣщаніи оныхъ, а также и имѣній родовыхъ, въ случаѣхъ, указанныхъ въ статьѣ 1068¹. Когда осталось послѣ умершаго завѣщаніе, то оставшемуся въ живыхъ супругу опредѣляется одному послѣ другого указанная доля изъ того только имѣнія, о которомъ не сдѣлано распоряженіе въ завѣщаніи.

Примѣчаніе къ сей (1148) статьѣ, въ Сводѣ, остается въ силѣ.

1148¹. Въ губерніяхъ и уѣздахъ Закавказья, образовавшихся въ предѣлахъ бывшихъ Грузіи, Имеретіи и Гуріи, принадлежащіе къ христіанскому исповѣданію соучастики въ наслѣдовствѣ имѣютъ право слѣдующую вдовѣ указанную часть изъ недвижимаго имѣнія мужа оставить за собою, удовлетворивъ ее деньгами по оцѣнкѣ имѣнія, на основаніи правилъ, изложенныхъ въ приложении къ статьѣ 1130 относительно выкупа и оцѣнки братьями части наслѣдовства, слѣдующей сестрѣ.

Содержаніе.

ТѢКСТЪ: Сенька въ убѣжищѣ. Рассказъ Марка Басанина.—Стихотворенія Филарета Чернова.—Слѣпой. Рассказъ Пьера Лилля.—Подводное плаваніе.—Мухи—распространители заразныхъ болѣзней.

Невѣровскаго.—Одобренный Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою и права завѣщанія родовыхъ имѣній.—Къ рисункамъ.—Объясненія.

РІСУНКИ: Первое знакомство.—Русалка.—Терпятъ бѣдствіе.—Дѣло при Молевомъ Болотѣ (26 июля 1812 г.).—Мухи—распространители заразныхъ болѣзней (4 рис.).—Подводное плаваніе (4 рис.).—Артиллерійскій исторический музей (2 рис.).—Перенесеніе праха генерала Д. П. Невѣровскаго (5 рис.).

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Оскара Уайлъда“ кн. 4.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ.

Приложеніе къ статьѣ 1130.

Правила выкупа и оцѣнки части изъ недвижимаго имѣнія, слѣдующей сестрамъ лицъ, принадлежащихъ къ христіанскому исповѣданію въ губерніяхъ и уѣздахъ Закавказья, какъ образованы въ предѣлахъ бывшихъ Грузіи, Имеретіи и Гуріи.

1. Срокъ для изъявленія желанія выкупить слѣдующую сестрѣ часть изъ недвижимаго имѣнія назначается шестимѣсячный, со дня вступленія решения суда о выдѣлѣ оной въ окончательную законную силу.

[Примѣчаніе къ сей (1) статьѣ, въ Сводѣ, остается въ силѣ.]

5. Въ случаѣ отреченія сонаслѣдниковъ отъ права выкупа, а равно и по пропускеніи ими сроковъ для изъявленія желанія выкупить слѣдующую сестрѣ часть, или для уплаты суммы по оцѣнкѣ, они безвозвратно теряютъ предоставленное имъ право, и владѣніе въ означенной части утверждается за сестрою окончательно безъ всякой остановки.

[Примѣчаніе къ сей (5) статьѣ, въ Сводѣ, остается въ силѣ.]

II. Статью 1068 Законовъ Гражданскихъ (Св. Зак., т. X ч. 1, изд. 1900 г.) замѣнить постановленіями нижеслѣдующими 1068, 1068¹ и 1068² статей:

1068. Родовая имѣнія не подлежатъ завѣщанію. Изъ сего общаго правила допускаются лишь два пятьтія, указанныя въ нижеслѣдующихъ 1068¹ и 1068² статейахъ.

1068¹. Лицо, имѣющее нисходящихъ по прямой линіи, призываемыхъ по закону къ наслѣдованію въ родовомъ имѣніи, можетъ посредствомъ завѣщанія распредѣлить, по своему усмотрѣнію, между ними свое родовое имѣніе или часть его, либо предоставить его нѣкоторымъ, либо одному изъ нихъ; при этомъ завѣщатель во всѣхъ указанныхъ завѣщательныхъ распоряженіяхъ не ограниченъ постановленіями объ указанной части супруговъ (ст. ст. 1148—1155 и 1157) и въ правѣ обязывать лицъ, которымъ завѣщается родовое имѣніе или часть его, единовременными или повременными на время ихъ жизни денежнѣыми выдачами въ пользу другихъ, указанныхъ выше, нисходящихъ завѣщателя или въ пользу восходящихъ лица, обязываемаго выдачами.

1068². Лицо, не имѣющее нисходящихъ въ предыдущей (1068¹) статьѣ нисходящихъ, можетъ предоставить все свое родовое имущество или же часть онаго, мимо ближайшихъ своихъ наслѣдниковъ и несмотря ни на какую степень родства, одному лицу изъ дальнихъ или равно близкихъ родственниковъ или родственницѣ своихъ, но лишь того рода, изъ котораго досталось завѣщаемое избранному имъ наслѣднику имущество, хотя бы сіе лицо, по происхождению отъ женского въ томъ родѣ колѣна, или по иной причинѣ, и не посило имени и фамилии завѣщателя или завѣщательницы. На семь же основаніи лица, не имѣюще нисходящихъ въ предыдущей (1068¹) статьѣ нисходящихъ, можетъ, если имѣніе дошло къ нему изъ разныхъ родовъ, избрать и назначить по одному отъ каждого изъ сихъ родовъ наслѣднику. Предусмотрѣнія въ настоящей статьѣ духовныя завѣщанія должны быть совершены нотариальнымъ порядкомъ, когда же они совершаются постороннимъ, то признаются действительными лишь въ случаѣ, если внесены самимъ завѣщателемъ для храненія въ Опекунскій Совѣтъ, или въ Канцелярію Совѣта Императорскаго Человѣкоблагиваго Общества, или въ Попечительный Комитетъ сего Общества. Лица, дѣлающія на основаніи правилъ, въ сей статьѣ постановленіяхъ, завѣщательные распоряженія относительно своего родового имѣнія, обязаны предоставить оставшимъ послѣ нихъ супругу или супругѣ въ вѣчное и потомственное владѣніе седьмую часть всего родового имущества своего, какъ того, которое переходитъ къ избранному ими наслѣднику, такъ и того, которое оставляется прочимъ наслѣдникамъ по закону. Сіе послѣднее правило не распространяется однако на губерніи Черниговскую и Полтавскую, въ коихъ касательно порядка наслѣдства супруговъ действуютъ особыя, въ статьѣ 1157 означенныя, постановленія.

III. Пункты 2—6 статьи 1005, статьи 1131 и 1132 Законовъ Гражданскихъ (Св. Зак., т. X ч. 1, изд. 1900 г.) отмѣнить, а примѣчаніе къ статьѣ 1135 тѣхъ же Законовъ—исключить.

IV. Статью 1068 Законовъ Гражданскихъ (Св. Зак., т. X ч. 1, изд. 1900 г.)—дополнить нижеслѣдующимъ постановленіемъ:

Постановленіе второй части сей статьи не распространяется на завѣщательные распоряженія, предусмотрѣнныя въ статьѣ 1068¹.

V. Въ статьѣ 1085¹ Законовъ Гражданскихъ (Св. Зак., т. X ч. 1, изд. 1900 г.) ссылку на статью 1068 замѣнить ссылкою на статью 1068².

Къ рисункамъ.

„Первое знакомство“—изящная и милая картина Т. Лабриньона—переносить нась въ далекую страну дѣствія, въ область первыхъ проблесковъ сознательного бытія, когда возникаютъ впервые чувства любви, дружбы, привязанности.

„Русалка“ И. Колѣ—красивый и фантастический сонъ, приснившійся ребенку на зарѣ его сознанія. Маленькая дѣвочка видитъ себя во снѣ на берегу голубого озера... Къ ней приплываетъ прекрасная волшебница-русалка и зоветъ ее къ себѣ на лазурное дно. И чудится ребенку, что тамъ таятся несказанныя красоты и радости, и грустно ей разстаться съ красивымъ сномъ...

Картина Г. Тукэ „Терпятъ бѣдствіе“ полна драматизма. Волны захлестнули рыбачью шкуну. Парусъ разорванъ, мачта готова упасть. А вокругъ безпредѣльное, бѣшено-бушующее море, не щадящее человѣка...

Такого же драматизма исполненъ эфектный рисунокъ Н. Самокиша „Дѣло при Молевомъ Болотѣ 26 июля 1912 г.“. Дѣло при Молевомъ Болотѣ — за мѣсяцъ до Бородинскаго сраженія — послужило поворотнымъ пунктомъ въ тактике русской арміи. До этой поры Барклай продолжалъ отступление, но, побуждаемый настояніями высшихъ сферъ, рѣшилъ наконецъ перейти въ наступленіе и атаковать французы. Наступленіе выразилось удачной атакой Платова, при чмъ французскій авангардъ былъ сметъ натискомъ казаковъ. Къ рѣшительнымъ результатамъ этотъ бой однако не привелъ, и отступленіе русскихъ войскъ продолжалось и послѣ него, и вскорѣ послѣ того произошли сраженіе подъ Смоленскомъ, потеря этого города и дальнѣйшее отступленіе къ Бородину и Москвѣ.

Наши извѣстныя баталии ярко передали стремительное движеніе Платовскихъ казаковъ, ихъ бурный налѣтъ на растерявшуюся артиллерию французовъ.